

**Мемуары болгарского эмира Бурундая,
или как болгары стали татарами.**
(небольшие комментарии к болгарским летописям Гази-Барадж-Тарихи).

В.А.Лекомцев.

Данная работа является продолжением моей предыдущей публикации

Династические проблемы Золотой Орды

Булгарские хроники «Гази-Барадж–тарихи» медленно, но верно входят в сферу внимания историков. В интернете обнаружилось 4 тыс. сайтов, где приведены работы посвященные анализу этих рукописей. Процесс изучения этих летописей проистекает уже лет 40-50, но споры об их подлинности и целесообразности включения в перечень надежных исторических источников не утихают. Можно по-разному к ним относиться, но следует отметить, что это произведение относится к истории нашей страны, и чтобы делать окончательные выводы, на первом этапе хорошо бы было с ними разобраться, и хотя бы сравнить с известными историческими источниками.

Это возможный исторический документ нашей истории. Других просто нет, и уже больше не будет. Основной проблемой изучения этих летописей является разница в использовании географических названий рек, областей и имен участников исторического процесса по отношению к нашей историографии. И поэтому основной акцент в моей работе сделан на выяснении соответствия болгарских топонимов и этнонимов по отношению к устоявшимся понятиям принятых в нашей историографии. Вряд ли эти записки можно считать надежными историческими фактами. Скорее их следует рассматривать как жанр мемуарной литературы. Но некоторые факты могут представлять интерес, так как до опубликования этих рукописей они были не известны исторической науке.

Из полного состава рукописи я умышленно оставил лишь часть, в которой автор был непосредственным участником и свидетелем событий. Данный текст был разбросан по всем летописям в виде отдельных отрывков. Это не позволяло воспринимать их в виде последовательных событий. Здесь сделана попытка объединить эти отрывки в виде отдельного самостоятельного фрагмента.

Для того, чтобы разобраться в родственных отношениях участников исторического процесса можно привести династическую таблицу болгарских потомков Олмоша- Алмышы. В полной хронике «Гази-Барадж-тарихи» рассматривается исторический процесс смены всех ханов булгара с установлением причинно-следственных связей их взаимоотношений и влияния русских князей на этот процесс. Желаящие могут ознакомиться с ними на многочисленных сайтах. И я буду рад, если мои комментарии помогут желающим изучить этот труд разобраться с топонимическими и

этимологическими особенностями болгарской летописи. Не знаю как другим, но лично мне было интересно разобраться с этими мемуарами.

В данной таблице отсутствуют еще два сына Олмоша – Мал и Арпад.

Арпад стал родоначальником династии венгерских королей.

А Мал – это дед по материнской линии Владимира Красное Солнышко.

По болгарским летописям можно проследить деяния всех наследников болгарской династии Олмоша.

Газан – основал будущую столицу (Биш –Балта)- Учель- Казань, в честь него и не только этот город и получил в конечном итоге свое название.

Талиб Мумин – помог Святославу разгромить Хазарию и присоединил ее к Булгару, а в качестве компенсации передал Руси Ростовские и Муромские земли.

Ибрагим – стал каном Булгара в результате похода Владимира и Добрыни.

Ахад – по болгарским летописям считается основателем Москвы. Был взят в качестве заложника русскими князьями. С этим можно поспорить. Скорее всего Ахад построил небольшую крепость Арбат. А основателями Москвы следует считать династию Хаддадов – Кучковичей, которым принадлежали эти земли еще со времен их предка Мардана, брата Олмоша.

Селим Колын – сын Ахада родился в Москве и стал великим ханом Булгара.

Отяк – стал ханом после похода на Булгар Андрея Боголюбского, который взял в качестве заложников Анбала с женой, Арбата и Азана. По русским летописям именно этот Хисам Анбал и убил Андрея Боголюбского. Известно полное имя кана Отыка - Отык Улуг Мохаммед Джанги, и если я правильно разобрался, то его мусульманское имя было Моххамед, и он был второй сын (ки, ги), и его маму звали Джан, и она была из улуга удмуртов – вОтяков, которых булгары звали арами. Поэтому его старший (Бат) брат Арбат и был

так назван. Это дед Бараджа. И именно в его честь был назван один из районов Москвы Арбат, где он проживал. Это была отдельная крепость, в которой периодически проживали возможные претенденты на титул хана Булгара. Жаль, что полное имя приведено только для одного Отыка, хотя по тексту иногда проскальзывают отдельные фрагменты имен других канов.

Чельбир – покровитель (бир) Казани (Учели). Гази Барадж приходился ему внучатым племянником.

Гази – Барадж – автор этих рукописей, возможно, родился в Москве на Арбате и стал каном Булгара перед самым нашествием монголо-татар на Русь. Практически все время был в плену и на службе у русских князей. Был воеводой Нижнего Новгорода – Джун-кале.

Матерью Бараджа была сибирская моджарка (байгульская принцесса из рода сэбэр).

Гази – получивший мусульманское духовное образование.

Барадж – материальное проявление языческого болгарского бога Мардукана в виде крылатого змея Эльбегена, которого болгары называли Барадж или Леу. Крылатый змей Барадж - покровитель рода Балтаваров. Судя по его имени и его запискам Гази- Барадж исповедовал сразу три религии –ислам, православие и языческое тенгрианство. Это отразилось и на его судьбе, так как он умудрился служить и изменять, и православным русским князьям, и мусульманам Булгара, и монголо-татарам, еще пребывавшим в язычестве. Не случайно наместник Утедея Кутлу Буга дал ему прозвище Саин. Самое удивительное в записках – это то, что Барадж практически не описывает свои взаимоотношения с Бату-ханом, хотя являлся его военным советником, участвовал с ним во всех походах, и строил для него город Сарай. Но по отдельным фрагментам можно выявить достаточно презрительное к нему отношение.

А теперь посмотрим, как он описывает взаимоотношения Булгара и Руси накануне вторжения монголо-татар на Русь.

Войны Булгара с Русью накануне нашествия монголо-татар.

В 1208 году Кан (Челбир сын Отыка, внук Шамгуна) разрешил балынцам (суздальцам) возвести в урусской части Шуда город Джукетун (Великий Устюг) при слиянии рек Джук(Юг) и Тун (Сухона) для удержания разбойников от вторжений в Державу.

(Великий Устюг был основан по просьбе болгар для защиты северных провинций булгара от проникновения новгородских ушкуйников).

После смерти верного Державе Сыб-Булата (Всеволод Большое гнездо) на балынский престол сел его добрый и тихий сын Куштандин (Константин).

(Матерью Константина была византийская принцесса, поэтому он и получил это византийское имя. Это старший дядя Александра Невского, его отец Ярослав был младшим братом Константина).

Его брат, злобный и властолюбивый Джурги (Юрий), тут же поднял мятеж с целью захвата власти. Кан не мог потерпеть этого, и Гуза (сардар курсыбая – командующий гвардией) отправился вместе с отцом

(Азаном – в это время Азан сын Арбата стал улугбеком Учеля – Казани, и Барадж перебрался в этот город из Москвы) усмирять наглеца. Разбойники Джурги были растоптаны, хотя оказали вначале жестокое сопротивление и ранили эмира. За это Гуза велел своим не брать пленных, и наши безжалостно положили 10 тысяч мятежников.

(Посмотрим, как об этом эпизоде повествуют русские летописи. Юрию в наследство была передана Кострома (по болгарским летописям Раджиль). Юрий, судя по всему, перекрыл путь по Волге купцам, на что и отреагировали болгары. По русским летописям Кострому брали суздальцы. По болгарским летописям болгары по согласованию с Константином).

Но сразу после смерти Куштандина, который, говорят, был отравлен, убийца Джурги (Юрий) захватил трон и первым делом перебил в Джукетуне (Великом Устюге) болгарских купцов. Несчастные возвращались из Артана (Прибалтики, из Пруссии, с острова Руян)), и лишь один из них – Байрам, сын Умара, смог бежать и принести печальную весть в столицу.

Кан решил жестоко наказать негодяев и сам вступил в поход вместе со мной, курсыбаем, тухчийцами и тысячьо шумбутцев (артанцы (литовцы ?), жившие в Булгаре, и охраняющие купцов), 50 соплеменников которых охраняли караван и мученически погибли, защищая его, вместе со всеми...

Улугбеком Учеля (Казани) уже два года был мой старший брат Хаким, ибо в 1217 году отец (Азан сын Арбата внук Шамгуна) покинул бренный мир. Несмотря на предложение кана (Челбира) стать улугбеком Болгара, я отказался, опасаясь козней Ялдау (Ильяс - старший сын Челбира. Матерью Ильяса была аланка (ас)). Чтобы боль моя от этого вынужденного отказа стала менее сильной, добрый Даир (Хаким) выстроил в Учеле (Казань), под Богылтау, каменную баню. Ее стали называть его именем. Выступили мы из Учеля в суровый мороз, и легко одетые артанцы ободрали арских женщин и закутались в их платки и шубы...

Джукетунский (Великий Устюг) бояр Илия, убийца мирных купцов, принял их за женщин и, когда мои мастера под моим руководством выбили стену Джукетуна, возопил своим: «Молодцы! Булгары, как видно, совсем оробели и привели к нам своих распутниц. А ну-ка, попихаем этих баб!» Тысяча балынцев (суздальцев) легкомысленно выбежала из крепости на вылазку. Тут уже шумбутцы (артанцы - литовцы или пруссы проживающие в Булгаре) закричали: «Смотрите! Хорошие шубы сами бегут к нам! Возьмем же их!» Они скинули с себя женские одеяния и в одно мгновение изрубили

онемевших от испуга урусов. Наши вошли в город и оставили от него только головешки.

После этого мы прошли мимо Балукты (Вологда или Рыбинск), взяв с нее дань медвежьими и иными шкурами, и подступили к Ар-Аслапу (Ярославлю). По пути мы потеряли Гузу (сардар курсыбая - воевода), провалившегося под лед Мосхи... Этим городом (Ярославлем) владел джирский (Ростовский) бек Васыл, сын Куштандина, и я, ради доброй памяти этого друга отца, не без труда уговорил кана повернуть к Раджилю (Кострома).

(Азан отец Бараджа вырос вместе с Константином и Василий мог быть его родственником, а именно женат на его сестре).

Мы обошли эту крепость, где сидел брат Джурги – трусливый Бат-Аслап (старший брат (Бат) Ярослав, здесь какая-то путаница у Бараджа. Старшим братом Юрия был Константин),

и встретились с флотом Ширдана. Садык предложил Чельбиру разрешить его людям, участвовавшим с ним в походе, притвориться галиджийскими купцами и быстро овладеть воротами. Кан разрешил, и ночью корабли, на которых сидели садыковцы, а под шкурами прятались тухчийцы, проплыли мимо Раджиля (Костромы). Утром они вновь сверху подплыли к городу, и Садык (бывший новгородский купец, в это время проживавший в Булгаре на реке Нукрат (Вятке)) попросил у бека разрешения войти в крепость. Бат-Аслап, с тревогой ожидавший прихода болгар, обрадовался ложности слухов и радушно распахнул ворота. Садыковцы тут же захватили их, после чего, по его сигналу, тухчийцы выскочили из кораблей и ворвались в город. За ними в город вошло все войско и взяло его. Бека захватил в его доме один из болгарских ополченцев, но отпустил после того, как Бат-Аслап выдал ему мешок со своими драгоценностями. Узнав об этом, кан велел разрубить изменника на части на месте. Раджиле (Кострома) был также сожжен, после чего мы благополучно вернулись в Учель на кораблях Ширдана. Добыча была настолько велика, что для ее перевозки нам пришлось дополнительно связать с 200 плотов...

Кан (Челбир) привык к тому, что после его походов урусские беки тут же присылали послов с извинениями и данью. Но Джурги (Юрий) среди всех этих беков отличался необычайным безрассудством, и его, поэтому считали безумным. Какая-то внутренняя злоба постоянно толкала его на кровавые дела, и я сам видел его улыбающимся только во время чинимых им зверств. При этом он был необычайно труслив при приближении опасности, если она осознавалась им. Чувство угрозы изменило ему только один раз – после похода Чельбира. Виновником этого был Бат-Аслап, принесший ему ложную весть о гибели канна (Челбира) в Раджиле (в Костроме) для своего оправдания. Воодушевленный Джурги ранней весной внезапным приступом захватил балик Джун-Калу (Нижний Новгород). Ульчийцам (уличам) удалось рассечь в двух местах частокол острога, и воевода Джун-Мишарского округа Маркас (потомок Мардана брата Олмоша, и его мать была из касогов - кашэков), запалив балик, оставил его. На пепелище Джун-Калы (Нижнего

Новгорода) Джурги (Юрий) тут же возвел деревянную крепость. После этого, пока кан отдыхал и отмахивался от вести об этом, как о невероятной, Бат-Аслап приплыл к Учелю (Казани) с 15 тысячами воинов.

(Это седьмая неудачная попытка взятия Учели - Казани русскими князьями.

1. Князь Святослав брал Казань при Талибе.
2. Владимир с Добрыней, после чего ханом стал Ибрагим.
3. Владимир Мономах.
4. Юрий Долгорукий помог стать ханом Отяку.
5. Андрей Боголюбский помог стать ханом Колыну.
6. Всеволод Большое гнездо пытался помочь Азану (отцу Бараджа) стать каном Булгара.
7. Юрий Всеволодович. После этого похода Учель стала Казанью.
Если прикинуть полные потери Руси за 200 лет на это момент, то под Казанью полегло около 50 тысяч русских воинов. И пусть земля им будет пухом. Все бывшие пригороды Казани построены на их костях).

Точно так же, как раджилские ары (меря, марийцы) помогали нам громить урусов, наши ары... радостно встретили бека в Бурате и примкнули к нему в количестве 20 тысяч. Они были озлоблены жестоким подавлением их бунта в 1212 году. Тогда восстание началось с того, что кашанские (левобережье Камы) субаши (именитое сословие Булгара) потребовали уравнивать их в правах с субашами Эчке (центрального) Булгара. К ним тут же примкнули ары, потребовавшие перевести их в субаши после принятия ими ислама – по старому закону. Об этом законе рассказал бунтовщикам Гали (мусульманский лидер Булгара имевший статус пророка), сообщивший об их просьбе кану и защищавший обращенных им в ислам игенчеев в своем письме. Чельбир пришел в ярость. Рассказывают, что она была подогрета подаренной ему сеидом восстановленной книгой о Юсуфе, в которой кан узрел стих о переходе власти от старшего брата к младшему. Растоптав книгу, Габдулла (Челбир) велел вновь схватить сеида, как зачинщика смуты. Гали тогда в ответ заявил, что те, кто попытается ради этого переправиться через Агидель, утонут в реке. Многие, опасаясь иметь дело со святым из суеверного страха, отказались выполнить указ кана, и только Гуза (сардар-воевода) пошел на Кашан (левобережье Камы). «Смотри, сказал ему Елаур. – Как бы тебе не утонуть». Сардар, не ведавший страха, только рассмеялся в ответ. Но, как уже писали, предсказание Гали сбылось...

Мир-Гази (сын Отяка) уговорил Гали покинуть страну, и тот сделал это только после того, как эмир пообещал ему облегчить участь бунтовщиков. Сеид бежал в Болгар и оттуда, при помощи ненавидящего отца Ялдау (Ильяс –сын Челбира), ушел с караваном в Хорезм. Там он был радушно принят эмиром Джелалетдином и получил должность секретаря его архива...

Мир-Гази убедил Гузу не трогать субашей, обещая, что за это они восстановят крепость Корым-Чаллы и построят новую. Корым был построен после набега на Чаллы-Калу, но затем пришел в полный упадок.

Опомнившиеся субаши действительно сделали обещанное, и кан, более всего любивший военные дела, помиловал бунтовщиков. Гуза сорвал все зло опять на арах (меря, мари, удмурты), которые толпами окружили Кашан и Учель и приняли ислам. Курсыбаевцы (гвардейцы) без всякой жалости рубили их на всем пути от Кашана до Бурата и, говорят, перебили с 30 тысяч кара-чирмышей и примкнувших к ним курмышей. Когда Гуза проходил с нами от Учеля (Казани) к Джукетуну (Великому Устюгу), ары-мужчины, все еще в ужасе перед ним, убегали в леса, и артанцам (шумбутцам) приходилось раздевать их женщин.

Однако и озлобленность их не прошла, и, как я уже сказал, они примкнули к Бат-Аслапу. Ары сожгли Биш-Балту (пять топоров), а затем стали поджигать и Акбикюль (пригороды Казани). Я, подумав, что против города действуют кара-чирмыши, спокойно выехал из крепости в посад с двумя сотнями джур для наведения порядка и вдруг столкнулся с прорывавшимися за частокол урусам. Три тысячи из них были в доспехах, полученных Джурги (Юрием) из Галиджа (Новгорода) в ответ на его обещание не нападать на этот город. Доспехи были неважные, хуже курсыбаевских, но это все же затруднило действие джур, привыкших сражаться с не имевшими и таковых балынскими (суздальскими) воинами. Поэтому джуры, выведя всех жителей на Богылтау, предпочли поджечь Акбикюль. Выйти из посада, однако, нам не удалось, так как балынцы прорвались в посад и отрезали нас от горы. Пришлось выходить через Канские ворота, еще не охваченные огнем. Хаким (брат Бараджа) со своими джурами благополучно пробился сквозь вражеские ряды. Меня же и двенадцать джур внезапно отрезало языком пламени и, чтобы не сгореть, я должен был отступить навстречу урусам. Мы побились некоторое время, пока, наконец, не были сбиты с лошадей на землю и взяты в плен. Нас тут же переправили в лагерь Бат-Аслапа, причем никто не видел меня. С нас грубо содрали доспехи, связали веревками и рассадили по кораблям.

Пожар был таким сильным, что загорелся частокол Калгана, и его защитники поспешили поджечь и эту часть города и перейти за Саинов ров и в Югары Керман. Там было еще 100 джур и с 300 ополченцев, державшихся между рвом и этой цитаделью Учеля.

Урусы, многие из которых сгорели в огне, тоже выскочили из посада и стали дожидаться конца пожара, чтобы вместе с арами попытаться взять Югары Керман.

Между тем кан все же послал курсыбай сына Гузы Газана в Учель проверить слухи о вторжении балынцев. Сардар встретился у города с моими джурами, узнал в чем дело и утром напал на врагов. К счастью балынцев, перед их лагерем, находившимся у реки, был лагерь аров, иначе, без сомнения, они все были бы перебиты. Курсыбаевцы растоптали аров и положили несколько тысяч урусов, но все же с 3 тысячи их успело сесть на корабли и поспешно отплыть к острогу Куман возле устья Дэбэр-су. Увы! Балик также был осажден арами, и куманцы ничем нам помочь не могли.

Как выяснилось, Бат-Аслап у устья Кама-Булака должен был соединиться с другим отрядом урусов, двигавшимся в Державу от Ар-Аслапа через Тунай (Сухону). Эти ульчийцы осадили Колын (Вятку), захватили стоявшие здесь корабли и лодки и на них, а также на связанных плотах поплыли вниз по Нукрат-су (река Вятка). В устье реки стоял сын Ширдана Нукрат, сумевший разгромить араслапцев (ярославцев). Только три ульчийских корабля из 50 судов и 170 лодок и плотов уцелели и стремительно поплыли к устью Кама-Булака. Нукрат отрядил для их погони несколько кораблей, но они не смогли догнать беглецов. Сам Нукрат поплыл к Колыну и освободил город от их осады. А беглецы соединились с Бат-Аслапом, и тот тут же отплыл в Балын (Суздаль).

Газан (сардар курсыбая – воевода, сын Гузы), наведя в Учеле порядок и выловив разбежавшихся по лесам урусов, бросился в погоню. Он при помощи подоспевших салчиев Нукрата – переправился у Бурата и сумел настигнуть у Кумана несколько задержавшихся у города балынских судов. Курсыбаевцы, разогнав аров, засыпали замешкавшихся тучей стрел и переранили или убили почти всех. Салчии прицепили эти корабли к своим и отплыли с ними к Болгару, куда прибыл сам кан. Среди пленных обнаружили балынского попа Абархама, которого Чельбир тут же освободил. Но он пожил еще несколько лет в Державе и послужил священником христиан Болгара. Я встречался с ним на Руси, и он показывал мне свою «Повесть о походе Бат-Аслапа на Учель». Она была написана правдиво и живым языком, но не понравилась Бат-Аслапу и Джурги, почему он прятал ее...

Джурги был поражен гибелью своего лучшего войска, но полагал, что нанес большой урон и болгарам, не понимая, что большой по балынским меркам Учель (Казань) был второстепенным городом Державы. Поэтому он не поспешил повиниться перед каном и даже послал последних своих воинов в Джун-Калу (Нижний Новгород) для завоевания Мишара (Лесная Мордва).

Чельбир же справедливо зачислил Купеческую войну в разряд лучших своих войн. Взятие Джукетуна и Раджиля стоило нам 53 убитых воинов, а разгром Бат-Аслапа – 60 джур и 112 курсыбаевцев, в то время как только Бат-Аслап потерял около 6 тысяч убитыми и столько же – пленными. Джирцы (ростовчане) же потеряли убитыми всего 500 воинов, зато пленными – 3500.

(Если бы это было так, то и Ростов и Суздаль стали ли бы болгарскими провинциями. Традиционное преувеличение потерь неприятеля, и преуменьшение своих, но судя по цифрам потери русских князей были очень большими.)

Дело в том, что Колын (Вятку) они осаждали безо всякой охоты, а когда встретились с Нукратом, то тут же высадились на берег и сдались доброму старому тухчийскому баликбашы Ахтяму. Недаром Джурги заподозрил измену и жег джирских воевод каленым железом, выпытывая у них сведения о тайной связи Васыла (сын Константина) с Державой. Однако воеводы предпочли не развязывать языки, и Безумный (Юрий) отступился от них.

В память о победе Габдулла дал Колыну имя Нукрата (Вятка или Котельнич), Тухчи – Джукетуна, а Учелю – Газана (Казань получила свое название при Чельбуре в честь своего защитника сардара Газана). Наши же, по своему обыкновению, переименовали Джукетун в Джукетау (возможно бывший город Гурьев, т.е. Тухчи – это бывший город Гурьев), а Газан – в Казан...

Только неявка послов Джурги отравляла радость кана. Дождавшись зимы, он направил на Балын (Суздаль) курсыбай (гвардию), а перед этим – послание балынскому беку. В нем были такие слова: «Ты, собака, думал что война — это махание веслами на Идели? Я покажу тебе, что такое настоящая война. Я выжгу все то, что сейчас называется Балыном (Суздаль) так, что люди забудут даже это название. И ты будешь считать величайшей милостью небес, если я тебя, вшивого, с обритой головой и подбородком поставлю старостой самого последнего курмышского аула». Газан не поленился взять с собой мастеров с шереджирами, и они быстро запалили Джун-Калу (Нижний Новгород). Балынцы в ужасе выбежали из объятай пламенем крепости и были беспощадно изрублены все до единого, в количестве 5 тысяч человек.

(По этой пусть и завышенной цифре можно определить примерную среднюю численность городов в то время)

Среди них были и те, кто избежал гибели у Учеля. Когда об этом узнали жители других пограничных городов, то они в страхе сожгли свои крепости и бежали в Булымер (Владимир). Увидев толпы беженцев, Джурги затрепетал и умчался через леса в Аамат (Омут, возможно Тверь. Судя по всему название реки Тьма болгары читали на арабский манер с право на лево) – городок неподалеку от рубежей Галиджа (Новгород). Газан двинулся от головешек Джун-Калы вглубь Балына, но повсюду находил лишь пепелища. Он был в трех днях пути от столицы Балына, когда примчался гонец от кана с предписанием немедленно повернуть назад. Сардар не поверил, но Чельбир, зная Газана, послал вслед первому и второго, и третьего гонца. Наконец, получив третье послание – уже в дне пути от Булымера – Газан убедился в подлинности приказа и с горьким сожалением повернул назад.

(Судя по болгарским летописям, если бы не нашествие монголо-татар, то во Владимире, Суздали, Рязани, Москве, Ростове и Костроме население говорило бы на татарском языке. Восточная Русь стала бы провинцией Булгара. Потомки Чингизхана помешали этому. И как говорит народная мудрость - нет худа без добра.)

Причиной его было сообщение о том, что вождь мэнхолов, или по-чински «татар» - Чингиз – вторгся в Хорезм. Еще ранее от купцов и оймеков (туркмен) кан (Челбир) получал сведения об усилении этого племени, сокрушившего ак-оймеков, кызыл-кашанцев и великое государство Востока Мэнхин или, по-татарски, Мэнхол. Сопоставив эти известия, Чельбир пришел к выводу, что имеет дело с великим, воинственным и хорошо вооруженным народом и решил быть готовым всей мощью встретить его

возможные поползновения на Державу. Поэтому он и отозвал Газана, курсыбай которого был военной опорой его трона. Все это хранилось в тайне, так что урусам ничего не узнали.

Джурги сразу же после ухода сардара послал к кану послов, но их не пустили дальше Казани и сообщили им о том, что Чельбир приказал урусским бекам отныне сноситься с ним через улугбеков Казани. Джурги покорно выпил напиток этого великого унижения и, чувствуя радость избавления от гибели, немедленно согласился с тяжкими для него условиями мира. Урусам было запрещено иметь, строить или восстанавливать крепости на границе с Державой и на пути к Булымеру (Владимиру) и предписано выплачивать дань в размере двух джирских даней. Кроме этого кан потребовал вернуть пленных учельцев.

Один из аров опознал меня и выдал Джурги. Тот не захотел возвращать меня и велел упрятать в темницу и сообщить о моей гибели в огне. Но, опасаясь, что пленные могут рассказать правду, велел своим араам убить джур при их выдаче. Трех же джур, о пленении которых никто не знал, он велел бросить в костер. Освобожденных джур посадили на корабль и повезли к Джун-Кале. При этом трубачи громко трубили в трубы и роги, как это было принято при размене для оповещения.

К сожалению, мой брат, казанский улугбек Хаким, посчитал излишним присутствовать при этом и поручил все дело мишарскому юзбашы Елбаю. Елбай вышел навстречу из Джун-Калы (Нижний Новгород), но внезапно ары на его глазах атаковали корабль и перебили всех находившихся в нем. Пока Елбай поднял свою сотню, охранявшую восстановленный балик, ары скрылись. Захватили только одного – без языка, нарочно оставленного араами. Его опознали как беглого кара-чирмыша. Джурги же, как только ары вернулись к нему, казнил их на месте и их трупы выдал Хакиму. В них также опознали беглых. Улуг-бек был введен всем этим в заблуждение, и сообщил кану о гибели джур от рук беглых разбойников. Этим все дело и кончилось, если не считать того, что Чельбир, расстроенный моей мнимой гибелью, велел выдать взятого джукетунского бояра Илию в руки Байрама. Тот хотел отдать его урусам за выкуп, но шумбутцы, узнав об этом, явились к нему и выкупили бояра. Приехав к себе, они привязали ненавистного им врага к дереву Худ-Имэн и прикончили его, устроив состязание по метанию топора в Илию,...

Послом от Джурги был Васыл, которого тот ненавидел, но не мог устранить из-за отсутствия сил и боязни смут. Перед набегом Бат-Аслапа Джурги направил Васыла с его джирцами (ростовчанами) и частью балынцев на Колын (Вятку) для отвлечения флота Нукрата. Действительно, при появлении Васыла Мер-Чура тут же вызвал флот, и балынцы смогли беспрепятственно высадиться у Учеля. Бек, однако, заявил своим джурам: «Джурги послал нас на убой. Свяжемся с Садыком – он нам поможет спастись». До этого Васыл сообщил мне о предстоящем своем набеге, и я тайно попросил Садыка позаботиться о спасении сына Куштандина. Садык связался с Нукратом, и тот пропустил корабль Васыла, отмеченный особым

знаменем. Топил салчибашы (командующий флотом) только корабли балынцев (суздальцев), дав возможность джирцам (ростовчанам), плывшим в хвосте – во главе с двумя верными джурами Васыла, - выйти на берег и сдать. Об этом нашем уговоре с Васылом, конечно, никто не знал. Пленные джирцы приняли ислам, и кан дал им права кара-муслимов и расселил в Кашане от Нукрат-су до Миши. А джур Васыла звали Метка и Бетка, и две кашанские речки получили их имя. А кара-муслимы имели права акчирмышей, и джирцы говорили, что в Державе они нашли ту добрую страну, о которой рассказывалось в их сказках о счастливой жизни. Они переняли у наших все лучшее и в своем религиозном рвении даже превосходили некоторых кашанцев. Без всякого указания кара-муслимы сами проложили хорошую дорогу от Бет-су на Агидели до Мет-су у Миши, где они возвели город с земляным валом Мет-Кала или Эчке-Кашан. На этой дороге, по которой вывозились лес, меха, мед, воск и другие товары, было устроено немало превосходных кабаков с лавками и банями. А Чельбир был так доволен кара-муслимами, что как-то сказал: «Я бы охотно обменял всех своих аров на вдесятеро меньшее число джирских ульчийцев».

После заключения договора с Балыном в Казани кан всецело обратился на Восток. Ему удалось через купцов установить связь с сыном Чингиза Джучи, которому отдали кыпчакскую часть Татарии. Джучи был недоволен этим и претендовал на Хорезм, Персию и все Сакланские (Кавказ) горы. Чельбир обещал поддержать его в этом и помочь усилить его власть в Кыпчаке, но взамен заручился его согласием воздерживаться от прямой поддержки поползновений Татарии против Державы. После того, как Чингиз повелел называть всю свою империю Мэнхол, Джучи сохранил за своими кыпчаками чинское название «татары». Кроме них у него насчитывалось 10 тысяч мэнхолов, и они были самыми отважными из татар, закаленных в войнах с кыпчаками, тюркменами, белыми и черными кыргызами. Ему понравилось то, что болгары называли бывшие сабанские земли в Кыпчаке Кук Йорты, — так и он стал называть эту коренную часть Кыпчака. Но у татар так называлась только великоханская часть, и Чингиз заподозрил сына в стремлении стать выше него.

В одном из походов на Кисан (Рязань) вспыхнула ссора Мергена (булгарский наместник Тубжака) с Алтынбеком (сын Отыка, брат Челбира, будущий канн Булгара) из-за добычи. Пришедший в полное неистовство тархан выхватил меч и бросился на эмира. Юнус попытался предотвратить это убийство, но сам попал под удар Мергена и скончался на месте. Пока опешившие марданцы приходили в себя, тархан вскочил на коня и стремительно умчался в Тубджак. Алтынбек женился на вдове Юнуса, младшей сестре своей первой жены – дочери Иштыка Фатимы, и, став улугбеком Беллака (южная часть Мордвы), поклялся жестоко отомстить убийце. Чельбир, однако, воспретил мечь. После смерти кана тархан, из-за боязни Джелалетдина (Алтынбека), вообще отделился от Державы и был выбит из Тубджака Алтынбеком. Мерген отъехал к Джучи (сын Чингизхана)

и сумел завоевать его доверие тем, что подарил ему пленную кисанскую (рязанскую) боярыню и обещал помочь татарам завоевать Державу. Через захваченного им купца, которого он поджаривал на костре, выпытывая сведения, Мерген узнал о тайных связях Джучи с Чельбиром и поспешил выложить их Чингизу. Великий хан пришел в ярость и велел ему убить сына. Выехав как-то на охоту с доверявшим ему Джучи, Мерген убил его сзади чиркесом...

(Барадж утверждает, что именно Мерген убил Джучи по приказу Чингизхана. Но скорее всего это не так. Иначе сыновья Джучи были обязаны убить Мергена. Скорее всего этим эпизодом он выразил свое отношение к Мергену, хотя сам полностью повторил его путь. Дурной пример заразителен.)

Другой сын великого хана Угятай (Угедей), добивавшийся признания его наследником, быстро раскусил планы Джучи и, не говоря об этом никому, принялся склонять отца к нападению на Горный Саклан (Кавказ) и Державу с целью срыва этих планов. Чингиз согласился послать на Запад своего лучшего полководца Субятая с тремя туменами, то есть с 30 тысячами воинов по-хонски. А по-хонски и «тима» значило «10 тысяч».

Одна половина татар была вооружена, как наши казанчии, другая – как курсыбаевцы. А в Державе было 6 тысяч казанчиев и 5 тысяч курсыбаевцев, да 14 тысяч суварчиевских ополченцев, имевших равное с курсыбаевцами боевое оснащение. Все остальные – с 25 тысяч ак-чирмышей – имели еще худшие доспехи.

(Это примерное количество войск, которое могло содержать достаточно сильное государство в то время. Чтобы вести успешную войну с такими же соседями они должны обязательно искать союзников. У Булгара это были государства Северного Кавказа, и Западных провинций Средней Азии – куманы и тюркмены. Челбир поддерживал с ними хорошие связи. А вот его потомки эти связи потеряли. А монголы прибрали к рукам к этому времени практически все племена Средней Азии).

Но кроме доспехов татары имели отважные сердца, совершенно не знавшие жалости, и среди них никогда не было недисциплинированных или усталых. Каждый из них знал, что если он не ожесточится, не подчинится или устанет – то будет убит на месте. Они делились на десятки, сотни, тысячи и тумены. За трусость в бою одного убивался десяток, за трусость десяти – сотня и так далее. А казни у них были такими жестокими, что я, видевший всякое, не мог досмотреть до конца ни одной, ибо по сравнению с ними самая тяжкая гибель в бою была наслаждением. Татарам же было запрещено при этом отводить глаза или как-то выражать свои чувства, поэтому казни, виденные мною, татары наблюдали в полной тишине и с бесстрастными лицами. А придерживались они такого зверства с той поры, как Чингиз изрек: «Жестокость – единственное, что поддерживает порядок – основу процветания державы. Значит, чем больше жестокости – тем больше

порядка, а значит – блага». И еще он говорил: «Сам Тангра повелел подняться нашей державе, а его волю нельзя понять разумом. Жестокость должна выходить за пределы разума, ибо только это поможет осуществлению высшей воли»...

А татары ненавидели ислам потому, что считали мусульман, с радостью расстающихся с жизнью во время джихада, опасными для себя. И наоборот, они любили христианство и веру хинцев, призывающих к покорности и жалости, ибо считали их последователей слабыми и готовыми для подчинения им...

За убийство знатного человека они убивали всех подчиненных, а за убийство вождя – весь народ. Однажды мэнхолским племенем татар, по имени которого чинцы называли всех мэнхолов в память об их былом первенстве над ними, был убит отец Чингиза; за это все татары были перебиты, включая женщин и детей. И с тех пор они называли татарами всех тех немэнхолов, которые им служили и которых они посылали в бой на смерть впереди себя. И эти служилые татары кричали в бою «Татар! Татар!», что означало: «Те, кто не подчинится Мэнхолу, будут истреблены, как татары»... Мы называли мэнхолов по-чински «татарами», а они нас – по-кумански «бесерменами».

В войнах они не щадили ни женщин, ни детей, поэтому женщин у них было мало и разврат считался делом обычным. Мужеложство и скотоложство они ни во что не ставили. Грабежи и насилия они делали только после получения разрешения, а захваченными детьми, женщинами и юношами пользовались по очереди всем подразделением. Татары никогда не мылись, как кыпчаки, ибо это воспрещали их законы. Привычка к подчинению сделала их сдержанными и тупыми, хотя некоторые их вожди сохраняли и гостеприимство, и рассудительность, и другие достоинства.

О первом походе Субята на Русь.

Эмир Субятай был главным авторитетом для них в военных вопросах, и высший воинский титул бахадира, дававшийся только природным мэнхолам, уравнивал его на военных советах с Чингизом и его потомками. Чингизиды считали себя господами всего мира и решали вопросы жизни и существования остальных только с точки зрения выгоды для них. Почти все они были крайне суеверны и ни в грош не ставили все чужое...

Получив приказ двинуться на Запад, Субятай прошел к Горному Саклану с потерей 2 тысяч человек, и только в Гурдже (Грузии) встретил попытку оказать сильное сопротивление. Тогда Субятай разделил свое войско на три части. Одной, под предводительством старшего своего сына Чамбека (Красавец), он велел напасть на гурджийцев и притворным бегством привести их ко второй части второго сына бека Уран-Кытая (второй (ки, кы) сын посвященный алпу(духу) Урану (Ур – лес, тайга), стоявшей в просторной

долине. Третьей части было предписано стать в засаде в ущелье между холмами и вступить в дело в нужный момент. Сам эмир с 5 тысячами воинов стал в отдалении, чтобы направлять битву. Чамбеку удалось подвести к части Уран-Кытая все 40-тысячное гурджийское (грузинское) войско. Уран-Кытай, пропустив за спину воинов брата, стал хладнокровно расстреливать передние ряды гурджийцев. Те, разгорячившись при преследовании, не остановились для приведения в порядок своих смешавшихся частей и нестройной толпой с ходу бросились на Уран-Кытая. Когда они добрались до стрелков, бек выдвинул вперед рубак с тяжелым вооружением, а из засады ударили в тыл гурджийцам засадные татары. Свежие и тяжеловооруженные воины без труда изрубили все оказавшееся в окружении гурджийское войско, а татары потеряли всего 3 тысячи бойцов.

(Вызывает большие сомнения, что Гурджа была способна собрать войско в количестве 40 тысяч. Если бы это было так, то весь Северный Кавказ был бы до этого оккупирован Грузией. В лучшем случае это было 10-20 тысяч легко вооруженных войск против 3 туменов монголов (30 тысяч)).

После этого Субятай вырвался в степь, где у речки Кумык встретился с асами (аланы, сакланы), куманами (половцы) и поддержавшим их саксинским тарханом (булгары нижней Волги), внуком Аса, сыном Торекула Бачманом.

(Та же история, примерно тридцать тысяч наспех собранного ополчения, из которых 15-20 тысяч легко вооруженных половцев).

Куманы, начавшие битву, были опрокинуты и обратились в бегство прямо через ряды сакланов. Те также поддались панике, и часть татар вышла в тыл Бачману. Тархан, чтобы уйти из-под удара и избежать окружения, принужден был уйти через Джураш (Чечню) в Гурджу (Грузию). При этом попал в плен Бадри (Аблас Хин, сын Лачина Хисами – правителя Гурджи, будущий соратник и свояк Бараджа), задержавший татар.

Куманы (половцы) бросились в Башту (Киев) и уговорили урусских беков пойти с ними на татар, обещая им за это в будущем помочь захватить Хин (Китай - город в устье Дона, возможно Азов, Ростов на Дону или бывший Саркел) у Державы. Субятай послал Чамбека в Башту, чтобы склонить урусов к совместному походу на Державу, но те, подстрекаемые куманами, убили его. В битве на речке Калга 60 тысяч куманов вновь побежали с захваченными у ульчийцев лошадьми, а бек каубуйцев (вятичи, живущие по засекам, змиевым валам) Алиш, пытавшийся поправить положение, получил смертельную рану, и его люди рассеялись.

(Если бы половцам удалось собрать 60 тысяч воинов, то Киев Чернигов, Смоленск и прочие русские города были бы ими уже захвачены. В лучшем случае, им удалось собрать 20 - 25 тысяч вместе со всеми вятичами. При относительном равенстве сил монголо-татары были лучше организованы и вооружены.)

После этого 50 тысяч урусов, напуганных отличными боевыми качествами татар, сели в укрепленном лагере.

(В лучшем случае 10-20 тысяч, по 1-2 тысячи воинов из 15 городов Руси. Больше городов на Руси еще не было. И они были еще очень маленькие. При наличии 50-ти тысячного войска на Руси и бывшая территория Хазарии и Булгар уже были бы в составе Руси. Только при относительном равенстве сил русские князья пошли на переговоры. Но на что они могли рассчитывать после убийства посла, да еще и сына Субедея, одному богу известно).

Субятай послал к ним Аблас-Хина с повторным предложением о выезде к нему беков для переговоров о совместном походе на Державу.

(В русских летописях Аблас Хин упомянут как Плоскина (Блос кин) – командующий бродниками, которые оказались в войсках монголо-татар).

При этом бахадир пообещал, что те, кто не приедет к нему, будут убиты. Все беки выехали и были тут же повязаны. Эмир подвел пленных к укреплению и спросил их, кого казнить за гибель сына – беков или их воинов? Беки ответили, что их воинов. После этого бахадир сказал урусам: «Вы слышали, что ваши беки предали вас. Выезжайте без страха, ибо я казню их самих за измену своим воинам, а вас отпущу». Оставшиеся без полководцев урусы сдались. Тогда Субятай велел положить беков под щиты разобранного лагеря и предложил ульчийцам: «Ваши беки хотели, чтобы вы первыми оказались в земле: Так втопчите их за это в землю самих». Урусы прошли по щитам и задавили всех беков. После этого Субятай заметил, что воины, убившие своих беков, также не должны жить, и велел своим изрубить всех пленных...

(По болгарским летописям битвы собственно и не было. Было просто истребление войска. Чтобы восстановить людские потери после этой битвы, Руси потребуется примерно 10 лет. Ужасы гибели русский князей, упомянутых во всех летописях, соответствуют обычному ритуалу погребения монголов. Над местом захоронения хана Батыя, чтобы его тело никто не обнаружил, прогнали несколько табунов лошадей. Это производилось с целью сохранения тел. В противном случае в степи захоронения раскапывались дикими зверями, волками, собаками.)

В седлах оставались еще 20 тысяч татар, и бахадир (Субятай) с легким сердцем двинулся на Державу.

(На пути к Кавказу монголы потеряли 2 тысячи. В Гурдже татары потеряли 3 тысячи из 30. В битве с аланами и половцами о потерях не сообщалось. Но после битвы на Калке у татар исчез целый тумен. Это с

учетом пополнения войск куманами и тюркменами. Значит битва все же была, и в этой битве татары потеряли минимум 5 тысяч из своего войска. Я думаю, что потери были больше. А историю с русскими князьями Барадж придумал, чтобы приукрасить победу булгар над Субедеем.)

Он полагал, что Джучи в это время уже также вторгся в Булгар с востока, ибо таким был приказ Чингиза. Бахадир заставил Аблас-Хина вести его прямо к центру Державы, но бек сумел через своего джуру известить кана о том, что приведет татар к Кермеку. Чельбир, получив от Джучи заверение, что он не вторгнется в Державу, немедленно придвинулся к Кермеку с 5 тысячами курсыбаевцев, 3 тысячами болгарских ополченцев сына Даира Тэтэша, 6 тысячами казанчиев и 10 тысячами башкортов.

(И здесь примерно равное соотношение сил при сравнительно равном вооружении войск. И это все, что смогли собрать булгары из своих сравнительно заселенных провинций. А теперь можно посмотреть, что произошло с войском татаро-монгол при равном соотношении сил.)

В середине поля перед городом было несколько рощиц, в которых расположились суварчиевские стрелки с железными стрелами и большими луками. Стрелки стали и за возами, составленными в круг. Перед полем была довольно глубокая лощина, за которой и стала конница: сначала – башкорты, за ними перед стрелками – курсыбаевцы, а за рощицами – казанчии...

У Идели Субятай усомнился в правильности пути и попытался двинуться на север, но наткнулся на Симбирский вал и был отброшен. Тогда татары попробовали пойти к югу, но уперлись в Арбугинский вал и также были отбиты, потеряв при этом тысячу человек. Только после этого поволчьи осторожный мэнхолский бахадир договорился с бывшими здесь русскими рыбаками о переправе и послал сына вперед на разведку. Уран-Кытай с 3 тысячами татар и 14 тысячами из 50 тысяч (откуда они взялись после 2-х кровопролитных битв) примкнувших к ним тюркмен и куманов переправился через Идель и преспокойно проследовал до окрестностей Кермека. Никого не обнаружив, он сообщил отцу, что путь чист. Субятай также переправился и двинулся за сыном. Но едва Уран-Кытай стал подниматься из лощины на поле, как конница стала обстреливать его. Он, несколько не смущаясь, устремился вперед и прорвался сквозь ряды башкортов на поле. Здесь он встретил уже курсыбаевцев и был неприятно поражен тем, что они не уступали по вооружению большинству его татар. Уран-Кытай успел послать отцу гонца с просьбой о подкреплении. Мэнхолский бахадир, несколько удивленный, послал еще 2 тысячи татар с тяжелым вооружением и 23 тысячи тюркмен и куманов, как вдруг получил сообщение от урусских рыбаков о приближении флота Нукрата. Глухая тревога закралась в душу Субятая, но он все же дождался еще одного гонца от сына. Тот опять попросил подкреплений, и мэнхолский яубашы понял, что

попал в западню. Не послав более ни одного человека, он бросился назад и едва успел переправиться через Идель перед носом Нукрата.

Уран-Кытай, усиленный подкреплением, смог прорваться сквозь ряды курсыбаевцев и оказался под обстрелом из рожиц и из-за возов. Заметив, что суварчиевские стрелы пробивают и доспехи лучших его воинов, бек все же упрямо продвигался вперед, пока не столкнулся с казанчиями самого кана. Те отбросили его опять на поле, где всю работу делали стрелки. Хотя путь назад был открыт, ни один татарин не покинул поле боя, зная, что за возврат без полководца будет подвергнут немедленной и страшной казни. Наконец, башкорты и курсыбаевцы сомкнули кольцо окружения вокруг врага.

(Какое количество войск потребуется для окружения одного тумена (10 тысяч) монголо-татар. Минимум 20 тысяч. У Уран –Кытая было 3 тысячи монгол и 14 тысяч куманов и тюркмен, или их было гораздо меньше).

В этот же момент одна стрела убила лошадь Уран-Кытая, и она, упав, придавила его. Бек, видя, что все кончено, хриплым криком велел воинам сдаваться. Кан, получив сообщение Нукрата о готовности Субята вступить в переговоры, велел прекратить эту бойню... Из татар, бывших на поле, 4 тысячи были убиты, а тысяча с самим Уран-Кытаем попала в плен.

(Оказывается их было всего 5 тысяч, т.е. цифры Бараджа надо делить минимум в три раза. Особенно что касается численности куманов и тюркменов. Нормальная статистика военных при подсчете потерь неприятеля и своих).

Наши потеряли 3 тысячи башкорт и курсыбаевцев, 350 болгарских стрелков и 150 казанчиев. В суматохе этой битвы Аблас-Хин смог перебежать к своим, был подведен к кану и тут же получил от него титул эмира.

Субитай ожидал самого худшего, ибо впереди его, за Иделью, стоял несокрушимый кан, а сзади маячили арбугинцы, едва сдерживаемые сыном Елаура – марданским тарханом Юнусом. Тем не менее Чельбир, опасаясь повредить Джучи, разрешил мэнхолскому бахадиру вывести остатки своего войска через Сарычинскую переправу и даже отдал ему пленных. Правда, при этом кан не отказал себе в удовольствии поиздеваться над поверженными татарами и велел взять за каждого пленного по барану, а за Уран-Кытаем, как особо глупого – десять баранов. Тут же, на берегу, на глазах униженных татар, болгары устроили пир и съели всех баранов, отчего битва получила название «Бараньей»...

Под охраной Аблас-Хина татары были выведены из Державы за Джаик (Урал). Прощаясь, Субята молча вручил ему свой меч и тут же хлестнул коня...

(Интересно, сколько татар живыми вернулось из этого похода. Не менее 10 тысяч. А могли бы их просто положить, и никто бы об этом не узнал. И у монголов на один тумен стало меньше. Но самое главное при этом бы погиб

Субедей – главный великий полководец монголов. Сопrotивлявшихся болгар после этого поражения монголы живыми не отпускали).

Узнав об уходе татар, Бачман вернулся в Саксин из гурджийской области Хонджак, причем с боем, ибо гурджийцы не хотели пропускать его вооруженным...

Джучи оправдался перед отцом, сославшись на свою занятость кыпчакскими делами. В 1225 году он нанес поражение хану ак-оймеков Карабашу. До этого хан всячески заискивал перед Джучи и даже разгромил посольство эмира Хорезмского, посланного к кану за помощью. Бывший в посольском караване Гали попал в плен и несколько лет скитался с кыпчаками по степям. Оймеки, узнав, что он – сказитель, не дали Карабашу выдать его татарам. Ведь кыпчаки считали непозволительным делать зло чиченам, которые, как они полагали, могли говорить с небом и поэтому были святыми. Гали сочинил для оймеков несколько песен, которые я сам слышал от них. А сам себя сеид – со времени заключения в Алабуге, стал называть Кул Гали – в знак своего сочувствия угнетенному народу и своего положения...

Попытка захвата монголо-татарами Булгара.

Возвращаясь, Мир-Гази (сын Отыка) простыл и вскоре умер. Газан, Бачман, Иштяк и Тэтэш подняли на трон Алтынбека (сына Отыка), совершенно равнодушного к реформам Гали. Сеид через два года женился на вдове Мир-Гази Саулие, которую он любил всю жизнь. А она была выдана замуж пятилетней девочкой. Гали овдовел, будучи в изгнании, и его сын от дочери Даира Мир-Гали вырос в доме суварбашы. А одна из кыпчакских рабынь, которыми приторговывал отец Даира Аппак, была подарена эмиру Джураша. Тот подарил ее гянджийскому беку Низами, украсившему сад поэзии прекрасными цветами своих дастанов. Я читал эти поэмы, ибо знал фарси. А кроме хорасанского языка я, конечно же, знал арабский и наш болгарский тюрки. Отец еще в детстве научил меня наречию ульчийцев, а один садумский торговец, лечившийся у старшего брата Гали, знаменитого учельского табиба Исбель-хаджи, — альманскому. А языки давались мне легко, и я испытывал даже необходимость в их изучении. В заключении я прочитал немало урусских книг, и одна из них рассказывала очень живо о набеге Сыб-Булата (Всеволода Большое Гнездо) на Буляр. Ее написал Булымер, звавший себя Хин-Кубаром, но затем, когда его господином стал его дядя Угыр Батавыллы (Игорь Полтавский-?), переделал ее и заменил свое имя на имя Угыр. Об этом мне рассказал сын Хин-Кубара – тоже Хин-Кубар, который приезжал в Балын (Суздаль) улаживать спор между Кисаном (Рязанью) и Джурги (Юрием)... А Булымер, владевший до этого лишь аулом Хатын, получил было за это батышский город Казиле (Козельск). Его основали еще болгары и анчийцы (диревляне), оставшие

от Алмышы во время его перехода в Булгар. Но после смерти Угыра Булымер лишился города, и его вновь получил только его сын Хин-Кубар после гибели почти всех караджирских (черниговских) беков в битве с Субятаем. Он женился на дочери Тэтэша, и она добилась того, чтобы наши купцы заезжали в него. Благодаря этому Казиле (Козельск) вырос в большой город, и сын Буляка Касим, охотно строивший на Руси дворцы и даже церкви из камня, укрепил его. Потом он вернулся в Державу, но по пути едва не попал в руки Маркаса (правитель Мордвы, потомок Мардана, и его мать была из кашэков – касогов). Этот бий обратился к Алтынбеку с просьбой передать ему часть арской дани за разор, но, получив отказ, озлобился и перешел со своей округой под власть Балына (Суздаля).

(Мордва по решению Маркаса присоединилась к Руси!).

Многие урусские бояры тут же поселились со своими игенчеями на его землях за определенную плату, но скоро пожалели об этом. Мой сын от первой жены – внучки Чалмати — Хисам, бывший баликбашы Дэбэра, вызвал Газана и напал с ним на Маркаса. Бий ускользнул ко мне, но округ его был совершенно разорен.

Надо сказать, что его рассказ об этом вызвал во мне не горечь, а радость за сына, ставшего настоящим бахадиром. Несмотря на панику, охватившую Джун-Калу (Нижний Новгород), я оставался спокоен, ибо знал, что Хисам не нападет на отца. Так оно и случилось. Овдовев незадолго до нападения Бат-Аслапа, я женился в Балыне (Суздаля) на сестре Васыла Ульджан-би

(Ульяна - дочь Константина, Барадж был еще и свояком всем сыновьям Всеволода Большое гнездо. Наверняка Барадж крестился и венчался в Суздаля по православному обряду. А иначе Ульяну не отдали бы ему в жены.).

Она родила мне сына Галимбека...

Маркасская война избавила Газана (сын Гузы – воевода) от участия в походе Алтынбека на Джаик против Субятая. Мэнхолский бахадир, зная уже мощь болгарских валов, не стал теперь ломиться через них, а решил выманить за них кана на наживку – Мергена (болгарский наместник Тубжака – Северного Казахстана). Простоватый до легкомысленности Алтынбек, услышав о разбойном нападении Мергена на Саксин (низовья Волги), скоро двинулся на него с Гали и Ильхам-Иштяком. Когда ему заметили, что он берет слишком мало воинов, кан вспылил: «На Мергена и трех тысяч много». Возможной встречи с татарами он не допускал, ибо купцы из Кашана уверили его в отсутствии их на всем протяжении Бухар-юлы. Между тем торговцы были подкуплены Субятаем и сказали неправду...

Мерген попытался взять Саксин с ходу, но был наголову разбит и отброшен Бачманом и вновь осмелел только после вмешательства в дело Субятая. Татары осадили город, но тархан уже вывел его население на безопасный путь в Банджу и остался задерживать врага с тысячью отчаянных смельчаков. Когда татары вломились в Саксин, Бачман отступил в караван-сарай города Сувар-Сарай и, побив до двух тысяч оймеков и татар, прорвался с 200 своих к Идели и был таков. Тюркмены хана Куш-Бирде, посланные

Субятаем за ним, наткнулись на подоспевших джур Аблас-Хина и занялись ими. Бадри (Аблас Хин) отстаивал Хин до последней возможности, а потом поджег город и ушел в Буртас. Тогда Субятай сам бросился за Бачманом вверх по реке, но скоро встретился с марданскими баджанакцами (мордовские булгары) и погнался уже за ними. Увлечшись, татары наткнулись на Самарские валы и стали остервенело штурмовать их к удовольствию марданцев. Враги бы все пропали в лабиринте этих валов, если бы Субятай не раскусил игру баджанакцев и не отвел своих к Джаику (р.Урал). Тут перед Каргатуем, в буран, разъезд Мергена наткнулся на кана и бросился прочь. Алтынбек погнался за ним и угодил в объятия железных крыльев Субятая. Преимущественно легковооруженные оймеки кана, несмотря на отчаянную храбрость, не выдержали удара татар и рассеялись. Гали пал в бою вместе со всеми своими джурами, казанскими и кашанскими казанчиями и акчирмышами, но своей стойкостью отвлек татар. Отчаянный удар башкортвов на некоторое время пробил брешь во вражеском окружении, сковал неприятеля и позволил кану и Иштяку спастись. Потом кан велел назвать место битвы, принадлежавшее ранее Беллаку, «Каргалы» и передать его Башкортву на вечные времена...

Между тем эмир Ильяс Ялдау (сын Челбира), недовольный тем, что на трон после смерти отца был поднят не он, решил осуществить свою заветную мечту о власти. Едва Алтынбек отъехал на Джаик, Ильяс собрал в Урнаше 4 тысячи казанчиев и двинулся с ними к Буляру. Однако булярцы не впустили ненавистных им уланов в столицу, и суварбашцы, оправдывая это, вспомнили о своей присяге моему отцу и объявили о своем желании поднять на трон меня. Видя непреклонность булярцев, Ялдау рассудил, что лучше Гази-Барадж, чем дядя, и согласился. Алтынбек, не доскакав до столицы, узнал о происшедшем и отправился в Банджу, к сыну-тархану Боян-Мохам-меду. Туда же прибыл и Бачман...

(Ильяс с Бараджем в условиях начавшейся войны с татарами решили устроить государственный переворот. Вот они то и являются главными виновниками поражения Булгара в войне с монголами).

Булярцы, не теряя времени даром, отправили к Джурги (Юрию) утвердившегося в Казани Хисама с подарками. Джурги, любивший лесть, был подкуплен таким вниманием, но отпустил меня вовсе не из-за них, а в надежде распространить свое влияние на Державу. Был доволен и я – встречей с сыном и представившейся мне возможностью уйти с балынской службы. На нее я пошел после уговоров дяди – сына Арбата Батыра (дядя Бараджа будущий воевода и защитник города Владимира). Батыр был первым балынским бояром, пользовавшимся уважением остальных и даже Джурги, а его сын Нанкай – воеводой Мосхи...

Я въехал в Буляр и был поднят на трон Тэтэшем, Иштяком, Газаном и Аблас-Хином, которого я утвердил улугбеком Буртаса по просьбе

мухшийских казанчиев и вопреки воле Бояна. Население было еще возбуждено бунтом фанатиков, руководимых Кылычем, которые после смерти Мир-Гази пытались не допустить воцарения Алтынбека и произвести погром христианского квартала столицы Саклан Урамы. Суварчиевские чирмыши защитили Урам, но один из почтеннейших купцов Абархам попался в руки взбудораженной черни и был замучен толпой. Фанатики кричали, что им не нужен «христианский кан» Алтынбек и что они желают видеть на троне правоверного кана. Мне не составило особого труда догадаться, что Кылыча направлял Ялдау (Ильяс – сын Челбира), который старался показать себя истинно верующим правителем. Когда я после молитвы выехал к народу, фанатики вновь стали будоражить толпу криками о моем «тайном христианстве». Чернь стала смыкаться вокруг меня, и Газан (сардар курсыбая – воевода гвардии, сын Гузы) едва расчистил мне плетями путь в волнуемом море людей. В этот тяжелый для меня момент, когда я подумывал о бегстве, явился ко мне Гали и сказал: «Шаткость наших канов, все бедствия Державы нашей – от несоблюдения веры нашей, которая воспрещает рабство. Ослабь налоги с малых хозяев, субашей и ак-чирмышей до размеров времени Талиба, подтверди закон о переходе игенчеев в субаши и ак-чирмыши в случае принятия ислама, зачисли остающихся в язычестве курмышей в разряд кара-чирмышей, а уланов сделай бахадирами – и ты поступишь в соответствии с Кораном». Я немедленно исполнил его волю, и на всех майданах Державы этот закон Мохаммед-Гали был оглашен. Курмыши – особенно ары и сербийцы Горной стороны и болгары-язычники Арской округи – массами стали принимать ислам и объявлять себя субашами или ак-чирмышами. Попытки казанчиев навести прежний порядок встретили сопротивление новообращенных и поддержавших их болгарских субашей. Уланы были вне себя, но довольный моей решимостью Газан удерживал их на почтительном расстоянии от столицы. Конечно же, фанатики стали бесноваться, да тут уж я, получив поддержку сеида, железной рукой унял их без всякого риска для себя...

Но, увы, Тиле Джурги вновь навредил мне, начав набеги на мишарских аров. Тут уж Алтынбек (Джелаллатдин по материнской линии сын Отыка) поднял голову и через год после моего воцарения двинулся на меня с Бачманом, как на «тайного доброхота Балына (Суздаля) и врага Исламской Державы». Газан пришел ко мне и со вздохом сказал, что его курсыбаевцы не могут биться со своими братьями – арбугинцами. Я понял, что надо уносить ноги, и поспешно выехал в Казань, где был улугбеком мой сын Хисам. По пути я, известив Ялдау, отправил свою семью к нему в Нур-Сувар. Казанчии хотели растерзать ее, но эмир, вдруг проникнувшийся ко мне сочувствием из ненависти к Алтынбеку, лично проводил Ульджан (Ульяну) и маленького Галима в цитадель Барынту. Через Казань, под защитой Газана я проехал в Балын (Суздаль) с останками Абархама, которыми хотел задобрить влиятельную в Балыне церковь. Мой расчет оказался верным. Джурги был недоволен моим отказом передать ему Казань, но не решился сорвать на мне свой гнев из-за благожелательного отношения ко мне попов за передачу

мощей, которые тут же были крещены. Глава их поинтересовался, что я хотел бы просить у него. Я испросил его прощения Ас-Азиму (Зосима), неотлучно бывшему со мной. На старца сильно подействовал мой рассказ о том, как толпы булярской черни кричали мне: «Ты привез попа для крещения нас», - и о том, как Ас-Азим (Зосима) мужественно выкопал ночью останки несчастного Абархама и охранял их на всем нашем пути от фанатиков. Когда я показал главному урусскому папазу раны попа, полученные им во время стычек с чернью, старец прослезился и облобызал Ас-Азима.

Получив опять назначение в Джун-Калу (Нижний Новгород), я отправился туда со смутной мыслью о том, что более терпеть такую жизнь не смогу...

Падение Булгара.

Когда пришла весть о нападении татар сына Джучи хана Бату на Державу, и обрадованный Джурги велел мне возглавить 10-тысячное войско для овладения Казанью, я оказался на вершине отчаяния. Мы вышли зимой – 2 тысячи всадников и 8 тысяч пехотинцев, вооруженных один хуже другого. По пути к нам примкнули еще 10 тысяч каннских (Муромских) и кисанских(рязанских) всадников, решивших поживиться в области моего сына. По самому мерзкому Кан-Марданскому пути мы почти дошли до балика Лачык-Уба, когда явился оттуда один перебежчик. Он, как я узнал позднее, был нарочно послан Хисамом (Сын Бараджа). От него мы узнали, что Алтынбек с байтюбинцами (сибирские) и башкортами остановил, а затем и уничтожил 25 тысяч татар и кыпчаков Бату. Балик, возле которого произошла битва, назвали в память о геройстве бахадиров «Бугульма». Хан едва ушел, получив рану в поясницу. С ним был только Мерген (булгарский правитель Тубжака), ибо великий хан Угятай не дал ему Субятая. Поговаривали, что он, послав жалкого в военном деле Бату на Державу, хотел докончить уничтожение опасного для трона Мэнхола рода Джучи мечами булгар.

(Первый поход Бату закончился поражением монголов, причем Угедей, как предполагает Барадж, рассчитывал на гибель своего племянника и основного претендента на звание великого хана – Бату. Но это далеко не так. Кроме Бату на тот момент в качестве претендентов было еще 4 старших внука Чингизхана. Просто Угедей не считал булгар серьезным противником. А Бату еще не собрал куманов и тюркменов в единое войско.)

Курсыбаевцы вернулись в Буляр с копьями, на которые были насажены по несколько голов врагов. Перебежчик поведал также, что кан со всем победоносным войском идет от Дэбэра на Джун-Калу, нам навстречу. Внук

Урмана (воевода Мурома) Ар-Аслап тут же предложил свернуть с опасной дороги и пограбить ненавистный кисанцам и канцам Буртас, обещая легкую победу. Мои бояры поддержали его, и я, послав Джурги известие о бунте войска, пошел на Буртас. Дойдя до балика Саран (Саранск), бывшего на границе Мишара (Лесная часть Модвы) и Мардана (степная часть Мордвы) и сдавшегося мне без сопротивления, я заявил, что останусь здесь ожидать ответа Джурги на мое донесение. Но со мной осталось всего 1500 моих джунских (ростовчан) пехотинцев, а все остальные устремились к Буртасу, ибо знали, что Аблас-Хину никто в Державе не поможет. Каково же было мое изумление, когда я, во время объезда окрестностей, встретил самого Бадри (Аблас Хина). Оказывается, Алтынбек сразу после разгрома Бату двинул на него свое войско, и он едва выскочил из города перед приходом Газана и Бояна (сын Алтынбека). Быстро сообразив, что мое войско ждет печальная участь и что Джурги не простит мне этого, я решил бежать. Бежать же мне можно было только в одну сторону – в Мэнхол. Велев своим 300 джур либо возвращаться, либо примкнуть к Бадри, я с эмиром отправился в Сарычин. Здесь Аблас-Хин, любимый местными жителями, остался, и я с сотней его отчаянных джур, двинулся на Восток.

Судьба моего воинства, как я потом узнал, была более чем печальна. Оно застало в городе арбугинцев Бояна, но с преступной легкомысленностью решило все же осадить Буртас. Между тем Газан, рыскавший вокруг в поисках Бадри (Аблас Хина), узнал о приходе урусов и с ходу атаковал их лагерь прямо среди бела дня. Увидев канские знамена в тылу неприятеля, арбугинцы со страшным рычанием выехали из города и также набросились на испуганных врагов. Произошло жуткое побоище, ибо неуязвимые для большинства урусов курсыбаевцы и арбугинцы были опьянены недавней победой и сражались с удвоенной силой, не беря пленных. На этот раз кисанская (рязанская) и канская (муромская) конница не смогла уйти из-за глубоких снегов и, завязнув в них во время панического бегства, была расстреляна охваченными охотничьим азартом курсыбаевцами и марданцами. О балынской (суздальской) пехоте и говорить нечего – она быстро выложила дорогу болгарской коннице. Боян потом рассказывал мне, что было убито 15 кисанских и канских беков и с 2 тысячи бояров, не считая остальных. Из всего моего войска живыми ушли с две сотни человек с Ар-Аслапом, а оставшихся в Саране балынцев пленил Хисам. Кисан и Кан остались без конницы – лучшей части своего войска,...

(Оказывается, что Гази Барадж волею судьбы оказался главным врагом Руси, да и самого Булгара. В то время, когда его дядя Алтынбек успешно сдерживает монголо – татар на восточных границах, Барадж силами суздальцев, рязанцев, муромчан пытается осуществить новый переворот. Он организует поход на Казань, где улугбеком сидит его родной сын. В походе участвует примерно 20 тысячное войско. Практически все наличные военные силы Руси. А по пути поворачивает это войско на Буртас, сваливая это решение на своих воевод, где это войско полностью уничтожается. С одной

стороны это решение ликвидирует угрозу нападения с запада на Булгар. А с другой стороны, у Бараджа была возможность использовать эти силы против монголо – татар. Восточная Русь лишилась всех своих военных сил, и была способна восстановить их лишь через 5-10 лет. Юрий обязательно казнил бы Бараджа, если бы тот вернулся в Суздаль. Но о чем думал Юрий, доверяя все свое войско потенциальному изменнику Бараджу. В результате у Бараджа остается лишь один выход. Стать временным врагом еще и своего народа. И он едет к великому хану Угтею, получать свой ярлык на правление в Булгаре.)

Бату было не лучше, чем Ар-Аслапу, и он подумывал о самоубийстве, с радостью ожидаемому в ставке великого хана. Когда я приехал в его ставку и объявил, кто я, он не поверил, посадил в отдельную юрту и вызвал старика Мергена... Наконец явился Мерген и подтвердил мою личность. Бату обезумел от радости и велел освободить моих джур, которых пытали, стараясь уличить меня во лжи. Несколько джур при этом умерли от невыносимых мучений. Бату, пытаясь добиться моего прощения, предложил мне за это деньги, но я ответил: «Деньги джур не заменят». Бату тогда спросил: «Что ты хочешь от меня?» Я же сказал: «Разве ты повелитель всех татар?» Хан смутился и, оглянувшись, сказал: «Нет, я всего лишь наместник великого хана Угята в Кыпчаке». На это я заметил: «Тогда я отвечу на твой вопрос Угятаю». Мы вместе отправились к великому хану, который уже знал обо мне и о моих ответах Бату...

Угятай встретил нас у ставки на лошади. Бату поспешил спешиться и подошел к великому хану, как провинившийся мальчишка. Тот что-то резко сказал ему, и Бату упал ниц к ногам его лошади. Я тоже спешился и приветственно поклонился... Великий хан, закончив свой короткий прием Бату, сделал мне знак, и я поехал вслед за ним. Мы подъехали к красивой беседке на живописном холме и вошли в нее, а джуры великого хана стали кольцом вокруг холма на почтительном расстоянии от нас. С нами был только переводчик, знавший кыпчакский и хорасанский языки, но, оказывается, Угятай неплохо говорил по-кашански, и мы часто обходились без посредника. Великий хан выразил мне свое восхищение моим ответом на предложение Бату взять деньги за погибших джур. «Ты великий кан, если сказал так! - заметил Угятай. – Не будь тебя – я немедленно покончил бы с Бату за гибель 15 тысяч наших воинов!» - «Я всего лишь эмир, - ответил я, отдавая себе отчет, перед кем сижу. – И я должен сказать, что похвала в устах настоящего великого хана становится еще более великой». — «Ты хочешь сесть на трон своего отца?» - спросил Угятай, которому мой ответ опять понравился и окончательно расположил ко мне. – «Да – но только тогда, когда тебе будет угодно заключить союз со мной», - ответил я.

Я не лгал. В Джун-Кале мне приснился сон, будто я один остался на пепелище разоренного города, и, проснувшись, я понял, что сам Творец указал мне спасти страну от разрушительного столкновения с Мэнхолом. Во время поездки, увидев мощь татар, я еще более укрепился в своем решении.

«Откуда идет твой род?» - спросил Угятай. - «От канов хонов», - ответил я. - «Мой род тоже идет от канов хонов, - заметил великий хан. - Поэтому будет несправедливо, если ты будешь подвергаться унижениям в нашей империи». Его глаза заблестели, он становился все более воодушевленным... Наконец он встал и сказал: «Отныне ты будешь союзником Мэнхола. Я признаю тебя эмиром Булгара и, кроме этого, общим послом наших держав на Западе».

Этим великий хан уравнил меня с остальными Чингизидами, ибо посол государя Мэнхола выше ханов и не подвластен им. Я был единственным нечингизидом, получившим титул посла и принятым, таким образом, в правящий дом Мэнхола. Правда, дружеское расположение я встретил только у Манкая (Мунке) и Субятай, остальные же не скрывали своей злобы ко мне или признавали меня только из страха перед великим ханом... А он, как мне говорили, очень напоминал Чингиза – особенно в моменты своих воодушевлений, когда он принимал наиболее удачные свои решения... Но такая обстановка не была тягостна мне, ибо напоминала мое – привычное для меня – положение в Державе... Я радовался решению Угятай не по причине выгоды его лично для меня, а потому, что оно ограждало Державу от бессмысленной гибели в столкновении с татарами...

Прибыв в ставку Мергена, который затрясся при встрече со мной, как перед великим ханом, я тут же разослал грамоты во все концы Державы. Мой дядя Иштяк, после некоторого колебания, признал меня эмиром Державы, и я перебрался из Кызыл Яра к нему в Уфу. Хисам (сын Бараджа) и Ялдау (сын Челбира) также признали меня и обещали не помогать Алтынбеку. Кан (Алтынбек – Барадж став наместником монголов еще называет его ханом) же прислал ко мне дочь – Алтынчач, которая в ответ на мой вопрос о причине этого, насмешливо заявила: «Отец сказал, что ты – баба, ибо изменил Державе, и поэтому свой указ об объявлении тебя мятежником поручил передать тебе мне». Иштяк усмехнулся, я же сдержался и сказал: «Передай отцу, что спасутся только те области, которые подчинятся мне, признанному татарами. Остальные же подвергнутся нашествию татар, и ничем помочь им я уже не смогу»...

Джелалетдин (Алтынбек – по материнской линии был потомком Джелалетдинов) остался один с сыном и Бачманом и ничего не мог поделать, ибо Газан отказывался воевать со своими...

Чтобы предотвратить опустошение многолюдных областей, я велел татарам готовиться к походу на Буляр через Башкорт. Перед нападением ко мне приехал Юлай – посол верховного главы христиан Франгистана «Баба».

Юлиан – посол папы римского. Существуют исторические записки Юлиана о его поездке в Булгар).

Оказывается, одна из грамот Белебея дошла до Аварии (Венгрии) благодаря садумскому купцу Кендеру, и моджарские (венгерские) папазы по приказу «Баба» отправились в Державу сразу же после набега Субятай для подтверждения слухов о христианстве татар. Бадри (Аблас Хин) помог им добраться от Сакланских гор в Банджу, которая примирилась с ним по требованию Сувар Йорты. Оттуда их вывез в Буляр сеид Гали, ездивший по

стране с целью добиться единства Державы. Алтынбек не хотел пропускать Юлая ко мне, но, благодаря Фатиме, он смог добраться до Уфы. Говорил я с Юлаем по-альмански и на языке моей матери – байгульской сэбэрячки, и он неплохо понимал меня, ибо был моджаром.

(По болгарским летописям родина моджаров - венгров – это междуречье Тобола и Иртыша – байгульская сэбер, с промежуточной остановкой на Агидели, и последующих 200-300 лет в междуречье Дона и Днепра. Часть из них смешавшись с местными угро-финами стала батышцами - вятичами. Одно время их звали аварами. В русских летописях они фигурируют в виде обров – народ с Оби).

А я ему сказал, что татары подчинят все, что расположено между Державой и границей Альмании (Германии), и что это – дело решенное. И я обещал ему, как посол, что если франги (франки) не будут противодействовать этому, то границы Альмании татары не перейдут... А у меня была печать великого хана, и я отправил с Юлаем грамоту беку Аварии с призывом мирно подчиниться Мэнхолу. И Ас-Азим (Зосима) также говорил с Юлаем и призывал его помогать мне, как доброму к христианам эмиру... А Иштяка настолько взволновал рассказ Юлая о жизни моджар, что он стал подумывать о переселении туда после завоевания враждебной Руси...

Наконец, потеряв терпение, Угятай решил подчинить мне Буляр силой. Когда я увидел, что 80 тысяч татар и 170 тысяч кыпчаков

(Для оправдания своих действий силы можно преувеличить и в три раза, только пусть болгары сумеют прокормить это войско и лошадей хотя бы в течение года),

тюркмен и кашанцев устремились к Чишме, то заплакал, ибо знал, чем закончится это нашествие. Ведь сын доброго Угятай Гуюк жестко сказал мне, что будет воевать по татарским законам, то есть обращать сопротивляющиеся города в ничто. После двухнедельных боев татары из трех направлений смогли пробиться только на одном – центральном, потеряв 15 тысяч бойцов. С ними ожесточенно дрались все – вплоть до субашей, и я лишь смог добиться неучастия в этом своих башкортских булгар. Сарманцы пали все до единого при защите Табыл-Катау (Катав на Тоболе), куда ушли с моим приездом в Уфу. Манкай (Мунке), пораженный их мужеством, велел сжечь их тела, что считалось высшей воинской почестью. Газан, пользуясь стойкостью крепости Барадж в низовье Чишмы, отошел к Джукетау и стал там, ожидая своего часа...

После нашего прорыва ак-чирмыши покинули восемь валов и отошли в Буляр, так что. Субятай смог, наконец, пройти и с этой стороны. Столица, в которой собралось не менее 200 тысяч человек, из которых 25 тысяч были вооружены, была окружена. Татары осаждали ее 45 дней. Когда пала Хинуба, Газан прорвал кольцо оймеков Мергена и нанес удар по тылам Гуюка, Байдара и Орду (старшие сыновья Угедея, Чагатая, и Джучи). Они были основательно разгромлены, и стоящий рядом Бату в ужасе отступил от города. Этим воспользовался эмир Бачман, бывший сардаром осажденных.

Вместе с Алтынчач и 15 тысячами бойцов он прорвался по образовавшемуся проходу и ушел в Банджу, к Бояну. Здесь они не поладили, и Боян ушел в Буртас. Бадри (Аблас Хин) же, изгнанный из Сарычина братом Манкая (Мунке) Бучеком (третий (уч) сын первой жены (Б - байши) Тули – хана младшего сына Чингизхана), занял Рази-Субу...

Субятай едва смог восстановить порядок и отбить Газана (сардар курсыбая – воевода гвардии, сын Гузы). Тяжко раненный сардар отступил в Джукетау, но, видя полное изнеможение курсыбая, отступил в Кашан (север Булгара, левобережье Камы) и там скончался. Обрадованный Мерген бросился в посад Тухчи и перерезал там немало купцов. Это возмутило всех, и ханы велели Бату разрубить тархана на части. Тот сделал это с крайней неохотой, ибо дорожил верным лично ему Мергеном. После этого татары стали заваливать землей и бревнами рвы и стены Мэн Буляра. Жители пытались помешать этому, обстреливая врага шереджирами и железными стрелами, но когда эти средства исчерпались, татары сделали несколько подходов к стенам. А я подъехал к городу и попытался уговорить жителей сдаться, но был ранен стрелой в плечо и отнесен в юрту...

Осажденные сражались до последней возможности, но под давлением устремившихся на штурм татар, подожгли Мэн Буляр и отступили в эчке-кальгу. Во время перехода потерялся внук Гали, и Саулия отстала, пытаюсь найти его. Внук остался жив, но несчастную женщину, воспитывавшую его как своего сына, убил татарский камень...

Эчке-Кальга держалась еще пять дней. Ее взял младший сын Чингиза честолюбивый Кулхан.

(Либо у Чингизхана было пять сыновей, либо Гази – Барадж описывает смерть четвертого младшего сына Чингиз-хана – Тули-хана. Ни в одной из хроник о Чингизидах о пятом сыне не упоминается, и из хроник не известна причина гибели Тулихана. Скорее всего, данный эпизод описывает смерть именно Тулихана, отца Мунке и Бучека).

Но когда он неосторожно вырвался вперед у мечети «Барадж», сын Карабаша Миннебай Ямат выстрелил в него с минарета Сулеймана и убил наповал. Фатима бросилась с этого же минарета с сыном Алтынчач и разбилась насмерть вместе с ним...

(Знание имен Чингизидов позволяет оценить количество войск монголо-татар, участвующих в захвате Булгара. Каждый углан командовал туменом. Итак Гуюк, Байдар, Орду, Мунке, Бату, Бунек, Тулихан, Субедей. Действительно 80 тысяч монголов. К ним следует добавить тюркменов Куш-Бирде – 10-20 тысяч, и оймеков Мергена – 10-20 тысяч. С монголами цифры вполне точны, а с оймеками и туркменами завышены в три раза. Но следует учесть, что тумены угланов состояли из 4 тыс. монголов, разбавленных наемниками и примкнувшими булгарами, куманами и тюркменами, т.е. монголов было не более 30 тысяч, т.е. полное количество войск было всего на

уровне 80 тысяч. И это по тем временам было очень много. И к ним следует добавить примерно 20 - 30 тысяч болгар Бараджа. Если бы Барадж объединился с войсками Алтынбека, имевшего также войска в количестве 20-30 тысяч, плюс ополчение, то они вполне могли противостоять войскам татаро-монгол. Но как сказано в писании « Царство, разделившееся внутри себя должно погибнуть». Барадж, чтобы оправдать свою измену, сильно завышает численность монголов).

Услышав крики татар, я с трудом поднялся и вышел из юрты. В это время 10 тысяч уцелевших от резни булярцев вывели из цитадели в поле. Гуюк требовал умертвить всех, но я при помощи Манкая (Мунке) и Субятая отстоял мирных. После этого тысячу бойцов в доспехах отделили от пощаженных и приготовились умертвить их. Я случайно заметил среди них Гали, нарочно отворачивавшего от меня свое лицо. На руках он держал внука, испуганно вцепившегося в него. Не помня себя, я страшно закричал ханам, показывая на сеида: «Его нельзя казнить – ведь это верховный кахин болгар. Его гибель принесет мэнхолам несчастье». Бату – из суеверного страха, а Манкай и Субятай – из доброго расположения ко мне поддержали меня, и Гуюк, потрясенный моим криком, согласился пощадить сеида. Мой джура силой стал уводить Гали от страшного места, но он все оборачивался на обреченных и пытался приободрить их молитвой. Однако с его губ срывались лишь неразборчивые слова, вскоре слившиеся с жуткими криками горожан, на глазах которых татары стали рубить последних бахадиров Буляра. А они показались мне гигантами и долго снились по ночам, и я не встречал более равных им по мужеству бойцов.

Едва держась, я отправился с Субятаем к Нур-Сувару, и в Нукрате мы встретились с выехавшими нам навстречу Ялдау (сын Челбира) и Хисамом(сын Бараджа). Гуюк настаивал на том, чтобы уничтожить Нур-Сувар за гибель хана тюркмен Куш-Бирде. А этот хан погнался за Бачманом (воевода Алтынбека), но у Кермека был остановлен и убит юным сыном Газана Кул-Буратом. Однако Субятай, видя мое желание предотвратить большое кровопролитие, предложил ханам наказать лишь сам Кермек и отправился туда. Его мнение оказалось решающим, и все отправились за ним. Я умолил Кул-Бурата выйти со всеми с повинной, и тот догадался спасти себя и людей ложью о том, что будто бы Куш-Бирде сам утонул в болоте. А убитого хана действительно утопили в болоте. Стали искать его, но, на счастье бахадира, вытащили лишь сапог Куш-Бирде и поверили ему. Я сказал Бату, что скорее всего кто-то помочился в болото и этим привлек Су-Анасы (алпа – дух Воды), жаждавшую сладострастия. Она схватила несчастного хана... и увлекла его в пучину. Стали искать виновника и действительно нашли одного, помочившегося в воду. Его тут же утопили в отместку за гибель Куш-Бирде.

Кермек, однако, дали разрушить тюркменам. После гибели хана они пришли в такую ярость, что, ворвавшись в эчке-кальгу (кремль – укрепленный центр) Буляра, изрубили Алтынбека (сына Отыка,

Джелаллетдина, действующего великого хана Булгара) на куски. А я тогда потерял счет дням, и Ас-Азим (Зосима) сам исчислил, что Буляр пал 5 ноября 1236 года по летосчислению урусов...

Бадри (Аблас –Хин, сын Лачина Хисами, внук Андрея Боголюбского) , между тем, встретил в Рази-Субе новое посольство «Баба». Одного посла, по его просьбе, Аблас-Хин пустил в Банджу, но Боян перехватил его и казнил. Двое других послов, пробивающихся ко мне с ответом «Баба», добрались до Нур-Суvara. Я удержал их при себе...

Иштяк, Кул-Бурат, Бадри и Тэтэш подняли меня в цитадели Нур-Суvara Барынту («Бурунда» на мэнхолском языке) на эмирский трон, и татары стали звать меня поэтому **Бурундаем**. Конечно, то, что я стал зваться только эмиром, огорчило многих, но я не мог иначе, ибо титул эмира оставил по договору с Угятаем. Мне пришлось уступить Кыпчаку и великому хану Тубджак (Северный Казахстан) и Саксин (нижнюю Волгу и побережье Каспия) – в качестве платы за гибель 20 тысяч татар и 55 тысяч тюркмен, кашанцев и кыпчаков при взятии Буляра. Я поспешил вывести татар за пределы Державы, обещав им, как союзник Мэнхола, помочь продовольствием и воинами при завоевании Руси. Лишь Манкай с 50 тысячами татар и прочих остался осаждать, упорствующий Мардан (Мордву)...

(В Мордве не было предателей, и она оборонялась несколько месяцев).

Так как все, что связано с врагами Мэнхола, татары запрещали, то мне пришлось переименовать курсыбаевцев в казаков, как звали хоны самых отчаянных бахадиров. Гали, несмотря на мои уговоры, отказался стать сеидом и удалился в знак протеста против разрушения Буляра в добровольное заточение в Алабугу. Я объявил сеидом Кылыча, который тут же возглавил и «Эль-Хум»...

Манкай (Мунке) осаждал Банджу целый год, пытаясь добиться мирной сдачи этого огромного и цветущего города. Дело в том, что я, жалея народ, соглашался в случае мирного исхода дела передать Банджу Бату для устройства здесь столицы его удела – Кыпчака. Однако арбугинцы стояли насмерть, дорожа более всего на свете своей древней свободой. Во время одной вылазки осажденных был захвачен сам Бачман с сыном. Бачман был казнен Манкаем (Мунке), а сына тархана мне удалось выпросить у доброго хана и оставить при себе под именем Нарыка...

(Нарык – сын Бачмана, сына Торекула, сына Аса, сына Сарачина, сына Шарык хана, потомок Худдадов).

Аблас-Хин также отправился в Мардан и изгнал Боян-Мохаммеда из Буртаса. Тот принужден был явиться ко мне с повинной, и получил от меня Казань, ибо Хисама я перевел в Болгар. Байтюбу (сибирская провинция Булгара) , переименованную в Черемшан, я передал сыну Ялдау, который сел в Джукетау и поэтому был прозван Тухчи-Исмаилом. Татары звали Джукетау «Джику», поэтому и Исмаила они называли Джику. В его владении находились и окрестности Буляра, где уцелевшие булярцы возвели новый город Татяк...

Алтынчач, возглавившая банджийцев после гибели Бачмана, была замужем за сыном Бадри Буртас-Бегишем. Этот бек пал при защите крепости Барадж, из которой вывел всех жителей...

Поэтому, когда Бадри (Аблас Хин) явился к Бандже и предложил снохе вывод из города всех хозяев, она послушалась его и выпустила за стены до восьми тысяч суварчиев с семьями. После этого татары пошли на приступ, гоня перед собой толпы аров и сербийцев. Последние защитники Банджи, запалив город, собрались в мечети «Сабан» и были в свою очередь сожжены там татарами после их безуспешных попыток взять ее. Алтынчач, однако, не нашли. Поговаривали, что она сумела вырваться из города и ушла с отрядом бахадиров-баджанакцев в Башкорт, где след ее затерялся. Сыну Мергена Тазбуге приказали найти ее, но тот утонул во время перехода через Агидель со многими из своего отряда. Ходили также слухи о том, что Иштяк укрыл ее, свою внучку, в Чилябе, где она и умерла...

Банджа была полностью разрушена за гибель 6 тысяч татар и 11 тысяч кыпчаков и тюркмен, а ее суварчии – разведены мною по городам и баликам вновь устроенной вместо Беллака провинции Самар и Эчке Булгара. Центром Самар был избран бывший мензель Хорасан в Кинельской округе, на месте которого потом построили город. Его называли в честь банджийского купца Камыша Камыш-Сараем или Камыш-Самаром (возможно город Камышлов), ибо суварчий пожертвовал наибольшее количество средств для устройства города...

Поход Батыя на Русь.

На зиму было намечено совместно овладеть Русью, Канская, Балынская, Джирская, Джунская и Джукетунская части которой должны были подчиняться и платить дань Булгару, а Галиджийская (Новгород) и Баштуйская (Киев) – Мэнхолу. Я горел желанием расквитаться с Джурги за все те беды, которые претерпел по его вине.

(Это еще надо посмотреть кто кому принес больше беды. Если бы Бараджа убили под Казанью или отрубили голову в плену в Суздале , войско Юрия осталось бы целым, и обороняло бы Муром, Рязань и Владимир на дальних подступах вместе с Мордвой. А войска Булгара уничтожили бы примерно половину монгольского войска, и не участвовало бы в походе на Русь. Монголы бы отложили поход на Русь на год. И у них бы не было проводников. И Юрий бы остался бы жив. Так кто кому больше принес бед).

Когда Манкай (Мунке) взял Кисан (Рязань), я тут же вышел из своего лагеря в Лачык-Убе с 500 казанчиев, 5 тысячами казаков Кул-Бурата и 3 тысячами арбугинцев Аблас-Хина и без боя вступил в Джун-Калу (Нижний Новгород). Бояры радостно встретили меня, ибо знали, что только я могу спасти их от ужасов войны. Одновременно Боян через Нукрат (Вятку) прошел к Джукетуну (Великий Устюг) и взял этот город при помощи увещевания Ас-Азима, которого я отправил с ним. Из Джун-Калы, где ко мне присоединились 2 тысячи ульчийцев, я направил Бадри (Аблас Хина) к

Кану(Муром), а Кул-Бурата – к Кул-Асме (Ковров), и они взяли эти города со страшной резней. Узнав об этом, Джурги оставил в Булымере (Владимир) Батыра (сын Арбата дядя Бараджа) и бежал на речку Шуд (Шуя?, по русским летописям Сить), куда стал собирать войска из Балына (Суздаля) и Галиджа (Новгорода). «Тиле Балынлы» надеялся отсидеться в лесах и сохранить войско, чтобы потом вернуться и вновь овладеть своей землей. Я, однако, разбил его планы, послав в Галидж свою грамоту с извещением о возможности мирного перехода Галиджа под руку великого хана Мэнхола в случае невмешательства галиджийцев в войну с Балыном. Галиджийские бояры, прочтя грамоту, не помогли Джурги...

(А кто сидел в Новгороде в это время в качестве воеводы? Сыновья Ярослава Всеволодовича – Александр Невский и его брат Андрей. Барадж об этом почему-то стесняется написать).

Утвердив Джун-Калу (Нижний Новгород) под властью Державы и оставив здесь Аблас-Хина, я пошел на Раджилъ (Кострому). Кул-Бурат, идя впереди меня, взял и сжег эту крепость, а затем – Куш-Урму (Кинешма?) и Ар-Аслап (Ярославль). В Куш-Урме (Кинешме) с нами соединился Боян, взявший после Джукетуна (Великого Устюга) Балукту (Рыбинск или Волгду) и Мир-Галидж (Галич-Мерский), но добытое им было так велико, что я оставил его на месте. В Джир (Ростов) я вступил мирно, под звон колоколов, ибо здешние бояры помнили и любили меня. Они со слезами рассказали мне, что Джурги насильно вывел семью Васыла из города в свой лагерь и умоляли спасти ее... Между тем Гуюк взял Мосху благодаря сдаче сына Джурги, отстранившего Нанкая от власти. Нанкай (внук Арбата, сын Батыра) же заперся в балике имени его предка – «Арбат», где бека и убили. Гуюк привез его голову к Булымеру, и Батыр (отец Нанкай), увидев ее, в горести сдался. Так как вначале он не хотел покоряться татарам и оказал им сопротивление, то Гуюк тут же велел задушить престарелого моего дядю.

Я же с джирскими проводниками устремился к Шуду (Шуя), через сдавшийся моим боярам Амут (Омут?). Ни один джирец – из ненависти к Джурги и любви ко мне – не сообщил Балынцу о моем стремительном движении. Три тысячи казаков и 300 суварчиевских ополченцев во главе с Кул-Буратом тихо обошли лагерь с запада и стали в засаде на пути в Галидж, а я ударил с остальными по самому стану Джурги. Впереди бежали 2 тысячи пехотинцев джирского бояра Дэбэр-Аслапа, которого Джурги ранее сослал в Джун-Калу (Нижний Новгород) за симпатии ко мне, а я назначил своим посланцем в Джире. Джурги бросился по Галиджийской дороге, но его возок угодил под выстрелы суварчиевских стрелков и мечи казаков Кул-Бурата. Соскочив с возка, Джурги пустился в чащу, но увяз в снегу. Нарык ловко подъехал к нему и, отрезав его голову чиркесом, насадил ее на древко боевого знамени.

Бат-Аслап же был отправлен Джурги в Галидж с обозом, в котором находилась вся казна Балына (Суздаля). С ним были отправлены и Васыл, и его сын Барыс, ничего не знавшие об этом. Когда разъезд Бат-Аслапа

встретил Кул-Бурата, то Бат-Аслап тут же повернул к югу и встретился с Гуюком, а Барыс в сумятице бежал к сардару и был препровожден ко мне. Остальные родственники Васыла также, присоединились ко мне со своими людьми, и я отнесся к ним как к своим сыновьям. Балынцы же – числом до 25 тысяч – были беспощадно изрублены моими людьми, потерявшими 500 казаков, 250 болгарских стрелков и тысячу джирцев и джунцев.

Бат-Аслап передал Гуюку казну и был пощажён ханом – однако, не за это, а за его действия против меня. Он оклеветал бедного Васыла, сказав Гуюку, что тот нарочно направил своего сына ко мне с десятью возами из пятидесяти. Это была ложь. Но напрасно Васыл говорил, что ничего не знал о содержимом возов и не склонял Барыса к побегу. Гуюк мучил его страшными пытками и, не заставив бека оболгать сына и меня, в ярости убил.

Когда до меня дошло требование Гуюка о выдаче Барыса, я, опасаясь за его судьбу по причине ненависти хана ко мне, отправил бека с Нарыком в Булгар. Однако подозрение ко мне проникло в душу даже Бату, и только слова Манкая и Субята в защиту моей чести спасли меня самого от неоправданной расправы.

А меня всегда поражала та страсть, с которой многие ханы разбирали всякие слухи и дразги, прерывая на это время даже важные боевые действия, как будто от разбора пустых доносов зависела судьба Мэнхола. В моем случае только традиционно бесстрастные слова Субята о необходимости прежде всего поскорее выполнить указ великого хана прекратили затянувшийся спор ханов...

Получив приказ Бату и Гуюка двигаться с ними дальше, я заявил в ответ, что болгары воюют против Руси только в разгар зимы и отправился назад. Когда второй гонец обоих ханов предупредил меня от их имени, что я буду разделен на части за отказ идти к Галиджу (Новгороду), то я ответил через него о моем решении сохранить Галидж для великого хана. Тут уж Гуюк прикусил язык, вспомнив, кем я являюсь. В своем личном письме ко мне он просил не обижаться за убийство Батыра и Васыла и уверял, что не казнил бы их, если бы знал о моих родственных связях с ними. На это я написал, что их смерть случилась по воле Аллаха и что я не собираюсь винить за это кого бы то ни было, вызвав этим в душе хана единственный в его жизни проблеск симпатии к другому человеку...

После моего ухода ханы, чувствуя себя неуверенными без меня, остановились в трех переходах от Галиджа и повернули в степь. Караджарские (черниговские) и шамлынские (смоленские) беки, пытаясь предотвратить вторжение в их владения, послали в Казиле (Козельск) 20-тысячное войско во главе с каубуйским (вятичи, живущие по засекам или змиевым валам) беком Кур-Амиром. Бек разместил большую часть своего войска возле города, а сам с 4 тысячами бойцов стал в цитадели. Татары, не зная, что город укреплен по болгарскому обычаю и защищается беком карабулгар, попытались с ходу взять его и потерпели неудачу. Бойцы Каубуйца, действуя согласованно из засады и города, сорвали все приступы татар. Бои шли шесть дней, а на рассвете седьмого Кур-Амир с остатками своего алая

вышел из города и ушел в Батавил (Полтава). Отсюда он, однако, принужден был отступить в Караджар (Чернигов), ибо караджарский бек вывел оттуда все войска в свой город. Озлобленные татары разрушили оставленный им Казиле (Козельск) и преследовали его до самого города, но на взятие его не решились, опасаясь каубуйцев. Субятай, шедший в татарском войске последним, прибыл к Казиле уже после взятия этой крепости. Узнав о потере здесь 2 тысяч татар и 5 тысяч прочих, он единственный раз в жизни вышел из себя и упрекнул ханов в неосмотрительности. На этот раз даже отъявленные скандалисты смолчали и опустили головы — ведь во всех прочих битвах на Руси ханы потеряли 7 тысяч татар и 20 тысяч прочих, и казильские потери были равны всем кисанским (Рязанским)! [...]

Поход Батыя на Киев.

Уговорившись взять Караджар (Чернигов) на следующий год, ханы пошли в степи на отдых. За время боев в Державе и на Руси они потеряли 35 тысяч татар и 91 тысячу прочих, и в степи вышло 45 тысяч татар и 79 тысяч прочих.

(Оставшиеся силы явно преувеличены раза в три).

А при взятии Буляра было убито 400 тысяч болгар, при взятии Банджи — 80 тысяч болгар, при взятии Кисана — 70 тысяч ульчийцев, при взятии Балына — 360 тысяч ульчийцев, при взятии Казиле и Батавила — 100 тысяч ульчийцев. После этого в Державе осталось 1500 тысяч болгар и 750 тысяч аров, сэбэрцев, урусов и сербийцев, а в Кисане (Рязани) и Балыне (Суздале) — 4500 тысяч ульчийцев и 600 тысяч аров...

(Это примерная цена предательства Бараджа Булгара и Руси. Но можно ли этим цифрам верить. 70 тысяч жителей в Рязани в то время точно не жило, как и 360 тысяч в Суздале. Средняя численность городов в ту пору не превышала 10-20 тысяч. Иначе население города было бы не чем кормить. И цифра в 4.5 млн. населения Восточной Руси по тем временам явно завышена. В Булгаре численность населения определена достаточно точно.

Да, при защите Булгара он не получил бы помощь от Руси, но своими силами он бы год или два мог оборонять города Булгара. При этом половина татар была бы уничтожена. Он мог бы с остатками сил принять участие в обороне Мардана, Буртаса, Мурома и Рязани на стороне Руси. Он бы не участвовал в походе Бату на Киев, и возможно Киев удалось бы отстоять. Но этого не произошло. И Аллах ему судья).

Вскоре после моего возвращения с Балынской войны ко мне прибыл доверенный человек или башкак великого хана — кашанский хан Кутлу-Буга

(Это брат жены Угтая. Очень интересная информация. Оказывается Туракин - хатум – жена Угтедя, и Сархуктуни – жена Тули - хана, родные сестры умудрились для решения организационных вопросов – сбора дани отрядить своего родного брата Кутлу –Бугу в качестве наместника великого хана. Внуки Чингизхана решают военные проблемы, а их брат решает экономические вопросы – собирает дань с покоренных народов, и решает спорные вопросы, возникающие между угланами.)

с монгытской тимой сыновей Чамбека – беков Калмака и Бурилдая (сыновья Чагодая). Башкаку были поручены контроль за великоханскими областями и посредничество между мной, то есть Державой и Кыпчакской Ордой. Он едва поделил между своими монгытами и братом Бату Беркаем (Берке) округа Джайка и Саксина, причем дело это сопровождалось ссорами и угрозами со стороны Беркая. Еще труднее оказалось разграничить владения Державы и Кыпчака. Склочный Беркай вдруг предъявил претензии на весь Самар – бывший Беллак – и вторгся в эту провинцию Державы со своими кыпчаками. Бадри с Нарыком двинулись на наглеца, но, к несчастью, молодой и заносчивый Бурилдай вмешался в дело на стороне Беркая. Наши побили с 300 кыпчаков и со 100 монгытов и очистили Самар от их присутствия, но спор наш из-за монгытов получил неприятный и опасный вид столкновения с Мэнхолом. Поэтому я прибыл к Кутлу-Буге и дал в совместное пользование Беркаю и монгытам наиболее безлюдный округ Самара. Добрый Кутлу-Буга громко объявил об этом смутьянам, как о великой уступке Державы, прозвал меня Саином и заставил их прекратить тяжбу со мной. А я прозвал Кутлу-Бугу «Багрим» и ни разу не разочаровался в нем.

Аллах один ведает, что бы было между Державой и Кыпчаком, не будь он башкаком!

Я дал Кутлу-Буге один квартал Гюлистанского балика Болгара, и сюда он вызвал из Галиджа бека Ар-Аслапа (Ярослав – отец Александра Невского) и назначил его ответственным за безопасный сбор мэнхолской и болгарской дани с Галиджа.

(Кутла-Буга ведать не ведал о существовании Ярослава. Но его хорошо знал Барадж. Так вот кто научил Ярослава и прочих русских князей искусству дипломатии с ханами монголо-татар. Именно он и вызвал Ярослава в Орду).

Тот явился с обритыми в знак покорности головой и подбородком и выплатил дань за три года. Кутлу-Буга взял из дани долю Мэнхола, я – долю Державы – четвертую часть. А и эта четверть вдвое превышала старую полную джирскую дань, складывавшуюся из джирской, кисанской и канской долей...

(Славно организовал 200 летнее иго татар на Руси Барадж. Вдвое увеличил дань, прихватил все земли Ростова и Суздаля, да еще и 25% с Новгородских и Киевских княжеств.)

После Ар-Аслапа в Болгар стали приезжать и другие ульчийские беки... А когда прибыл бек Кара-Ульчи и Бури-Сала Даниль (Даниил Галицкий) и договорился с Кутлу-Бугой о переходе его владений под руку великого хана, Беркай вероломно напал на Бури-Сала и вырезал его население. Узнав об этом, караджарский (Черниговский) бек Мышдаулы (Мстислав) свернул с Болгарской дороги обратно, и Манкаю (Мунке) пришлось брать его город (Чернигов) силой. Кур-Амир держал город до последней возможности, а затем отступил в Шамлын (Смоленск). Здесь он скончался от полученных ран и был погребен с почестями, как бахадир, спасший город от татар...

(Интересно, жители Смоленска помнят о герое обороны Козельска, Чернигова и Смоленска. В русских летописях упоминается о некоем Меркурии, защитнике Смоленска. И его даже канонизировали).

В 1240 году я получил ответ великого хана на свое письмо, в котором Угятай призывал меня помочь татарам покорить Башту (Киев), Байлак (Польшу) и Моджар (Венгрию). Я стал готовиться к походу и выехал в Мухшу, но, внезапно, Беркай напал на Буртас. Бадри (Аблас Хин, внук Андрея Боголюбского) помог городу устоять, но округ был совершенно razoren. До 50 тысяч буртасских булгар бежали в Эчке Булгар, и их рассказы о зверствах татар взволновали все население. Воспользовавшись этим, Ялдау (Ильяс – сын Челбира) поднял мятеж против меня и при помощи Бояна и Исмаила захватил Нур-Сувар и Болгар и схватил Хисама (сына Бараджа). Хитрый Ялдау, однако, не решился в обстановке неопределенности объявить себя каном и поощрил джиен повстанцев на провозглашение главой страны Гали с титулом сеида. Мулла не покинул Алабугу ввиду своей немощности, но согласился стать во главе Державы. Он немедленно прислал в Нур-Сувар свой фирман, в котором говорилось: «Волею Аллаха я, сеид Мо-хаммед-Гали, принимаю власть над Булгарской Державой и объявляю джихад проклятому татарскому воинству.

Следуя воле Творца – истинного эмира всех мусульман – провозглашаю также:

— Все люди рождены быть равными. Да исполнится воля Всевышнего.

— Пусть отныне все игенчеи, принявшие ислам, переводятся в разряд субашей и ак-чирмышей, а остающиеся в язычестве – кара-чирмышей.

— Пусть народ не платит и не служит никому, кроме своей собственной Державы.

— Пусть правители всех рангов выбираются и смещаются джиенами мусульман, где категории казаков, ак-чирмышей, сувари и субашей имеют равные права.

— Пусть тот же джиен принимает все законы Державы, вплоть до решения о войне и мире.

— Пусть правители правят по закону, а рыцари служат казаками за казенное жалованье или переводятся в разряды сувари или игенчеей.

— Пусть будут восстановлены разумные пределы богатству и налогам, установленные Талибом.

— Пусть каждый сам избирает категорию своего существования, и это его право будет неприкасаемо.

— Пусть купцы и мастера добровольно увеличат долю рядовых участников их дела.

— Пусть каждый имеет право обратиться в суд, назначаемый мною и следующими за мною выборными сеидами, с жалобой на любое лицо и получить справедливое удовлетворение по закону.

— Пусть за доказанные вымогательства, воровство, прелюбодеяние и другие преступления виновные в них изгоняются из Державы без права возврата в нее...»

Там было еще что-то, но я запомнил лишь это, самое важное.

Заканчивался фирман следующими словами: «Пусть каждый, кто может носить доспехи, опояшет себя мечом для священной войны за эту волю Творца.

Свидетельствуя истинность сказанного, я, сеид Мохаммед-Гали, свою печать к написанному приложил».

Получив фирман, Ильяс ужаснулся и попытался скрыть его. Ведь он не собирался подчиняться сеиду, и лишь хотел использовать его имя для собственной выгоды. Но фирман дошел до народа, и игенчеи и мелкие хозяева стали нападать на казанчиев, билемчеев и суварбашцев. Кул-Бурат, назначенный сеидом сардаром, набрал в свое войско курмышей и кара-чирмышей и в сентябре вступил с ним в Болгар и Нур-Сувар.

Бату в это время осадил Башту. Я не стал сообщать ему о мятеже, дабы не стать виновником срыва похода татар. Кутлу-Буга, узнав о бунте, взял у Бату лучший корпус Субятая и послал эмира мне на помощь в Мухшу. Без Субятая татары оказались неспособными к действиям против Башту и отошли от города.

Когда Субятай подошел, я двинулся с ним и Бадри к Нур-Сувару. Казанчии и суварбашцы, перепуганные бунтом черни, забыли о джихаде и только и ждали моего появления. Едва я подошел к Нур-Сувару, как суварбашцы и казанчии предали отряды черни и Ильяс выехал ко мне с повинной и с головами восьми мятежников. Кул-Бурат не стал биться с Бадри, которого я предусмотрительно выслал вперед, и отошел в эчке-кальгу Болгара. Зато отряды черни оказали нам отчаянное сопротивление, но были рассеяны.

В Болгаре же, утром, перед нашим подходом к городу, суварбашцы и казанчии напали на отряды черни и подвергли их беспощадному истреблению. Боян и Исмаил выехали ко мне из города, в знак подчинения связав себя веревками... После этого и Кул-Бурат выехал из цитадели, получив мое заверение пощадить его казаков. Озлобленные казанчии напали на него, и арбугинцы Бадри едва разъединили дерущихся. Субятай, удерживаемый мною, не вмешивался, и я сам, в обмен на пощажение Нур-Суvara и Болгара, велел снести укрепление «Мумин». Ильяса, Бояна,

Исмаила и Кул-Бурата я простил. Бахадир мэнхолов выразил свое удивление моей мягкостью, на что я сказал: «Разве можно управлять страной, истребив своих лучших беков и казаков за минутное шатание?» Субятай махнул рукой и, передохнув, отправился к Бату.

Гали, узнав о происшедшем, слег и более не поднялся. Я ничем не потревожил его уединения. Только после похода на Запад я послал в Алабугу Кул-Бурата, поручив ему перевезти сеида в Нур-Сувар. Я мучительно хотел объяснить Гали мотивы своих поступков, но мне это не удалось. Сардар застал сеида умирающим. У столицы он загнал лошадей, и сам впрягся в арбу. Увы – он въез в Нур-Сувар уже бездыханное тело Гали с книгой «Хон китабы» на груди. Я погреб наставника возле своего дворца, но долго править после этого уже не мог. В 1242 году, подняв на трон Державы Хисама, я уехал к Бату, давно просившему меня стать его везиром (военным советником)...

Тогда же, после подавления «Войны Гали», я чувствовал себя счастливейшим человеком, ибо спас от разгрома Нур-Сувар и Болгар. Оставив в столице Хисама, а в Болгаре – Кул-Бурата, я с Аблас-Хином, Бояном и Нарыком (сын Василия внук Константина) и 5 тысячами суварчиев, казаков и арбугинцев двинулся вслед за Субятаем к Башту... Мы прибыли к Бату в конце октября 1240 года. Хан беспомощно топтался под Башту, ибо каубуйцы, озлобленные разгромом татарами их провинции, отбивали все попытки Бату наладить осаду города. Гуюк был вне себя, ибо Угятай велел всем ханам, кроме членов дома Джучи, прибыть к концу года к нему. Субятай был также взволнован и бросился ко мне со словами: «Теперь ты должен помочь мне!» Я, тронутый проявлением в нем человеческих чувств, немедленно выдвинулся вперед. Каубуйцы и тюркмены, увидев мой хонский стяг, тут же перешли на мою сторону, и татары смогли замкнуть кольцо осады Башту. Четыре тысячи каубуйцев я присоединил к своему войску, и не пожалел об этом... Случилось это 5 ноября по миладу, как мне говорил Ас-Азим (Зосима). Я же уже дней не считал...

Когда к Башту стало возможным подойти вплотную, хинские мастера стали неумело бить по стенам. Дело затягивалось, и Бату в раздражении стал драть мастеров плетью, грозя им страшными карами. Я, отлично зная слабости урусских укреплений, не стал, однако, помогать им советами, ибо после гибели Буяра не мог уже выдерживать вида жестоких убийств ни в чем не повинных людей. Жалея и баштуйцев, я велел Бадри подъехать с нашей стороны к стене и вывести хотя бы часть жителей из города. Когда Аблас-Хин крикнул осажденным: «Выходите! Сейчас будет приступ!» — и высоко поднял наш хонский стяг, баштуйцы стали выходить из Медных ворот. Пока не подъехал Гуюк, я успел пропустить через свои порядки с 5 тысяч жителей. Гуюк, подскочивший внезапно, оторопел от увиденного, но, к счастью, Бадри успел бросить наш стяг на стену прямо в руки догадливого баштуйца, и я выдал происходящее за вывод пленных из взятых мною ворот. Гуюк не мог прямо изобличить меня, так как баштуйцы размахивали болгарским стягом, и в бессильной ярости велел мне уступить свое место Манкаю. Пока хан подходил, баштуец вышел из города с моим стягом, а его

товарищи вновь наглухо закрыли ворота. Баштуйца звали Якубом, и был он сыном того кумана Булсана, который по приказу Хонджака тайно вывел пленного бека Угыра (Игорь Черниговский – герой повести о полку Игореде) домой. Я поручил ему вышедших из города баштуйцев, и он смог благополучно вывести их в Галидж. Мы же отошли от города, и я под видом несправедливо обиженного, уединился в юрту, дабы не видеть последовавшей вслед за этим бойни...

Мы простояли у Башту еще недели две после взятия города татарами, ибо Бату устроил прощальный пир уходившим домой Чингизидам. Меня нарочно не позвали, ибо все, конечно, раскусили мою нехитрую басню о бежавшем из-под стражи баштуйском полоне. Только подвыпивший Субятай решился выйти ко мне под видом справления естественных надобностей и, почти насильно всучив мне тайно вынесенную чашу с арчей, сказал: «Не понимаю – почему Сулдан любит тебя – ведь ты не хочешь быть сулдаем? Сам бы не пил с тобой за твое лукавство, но делать нечего – сам Сулдан явился мне сегодня ночью и повелел поднести тебе эту арчу! Воюй! Воюй!» [...]

А татарское слово «сулдай» произошло от хонского «сулдаш», что значило «наемник», только болгары потом стали произносить это слово по-сабански: «юлдаш». Но Субятай не хотел обидеть меня, ибо по-татарски слово «сулдай» значило «храбрый воин»...

Плененный баштуйский (киевский) бояр Дима-Карака, взятый каубуйцами возле нашего лагеря, прельстил Бату походом на Аварию (Венгрию) лживым обещанием легкой победы. Я сделал все, чтобы предотвратить это вторжение, но ненавидящие меня Байдар (старший сын Чагодая) и Орду (старший сын Джучи) склонили Бату к нему. Тогда я заявил, что не буду воевать с моджарами ввиду их кровного родства с булгарами, и Бату не без сожаления согласился направить меня через Байлак и Бахту на соединение с ним в Аварии..Он хотел придать мне молчаливого Кыдана (второй сын Чагодая) ..., но Байдар и слепо подчинявшийся ему Орду настояли на посылке со мной именно их. В ожесточенном споре они громогласно обвинили меня в стремлении изменнически соединиться с франгами и ударить с ними по Бату, но Субятай свел на нет их оранье, указав на мизерность их заслуг в сравнении с моими и на изменнический характер как раз их собственного беспомощного топтания у цитадели. Всю дорогу я жалел, что вырвал Дима-Карака из рук каубуйцев, которые хотели прикончить бояра за набеги на их владения...

Мы выступили раньше Бату, и на пути в Байлак к Байдару примкнуло с 10 тысяч шамлынцева (смоленцы) бека Михаила. Шамлынды занимали стены попадавшихся на пути городов, а татары грабили и жгли их...

Поход этот был самым отвратительным в моей жизни. Зверства и бессмысленные убийства татар выводили моих людей из себя, а мэнхолов бесило то, что я всегда разбивал стан поодаль от них и вызывающе окружал его возами, щитами и завалами из деревьев...

У Байдара было, кроме шамлынцеv, 4 тысячи своих мэнхолов и 20 тысяч разного юлдашского сброда. Почти каждый день у его лагеря происходили дикие сцены. Однажды Орду обвинил кыпчаков в том, что они украли и съели татарских овец. Байдар велел уничтожить за это сотню кыргызов, хотя во всей степи они славились своей природной честностью. Когда обреченных на страшную казнь стали вязать, они бросились к моему лагерю, крича: «Помираем! Спасите нас!» За годы столкновений с мэнхоломи мои люди поотвыкли от вмешательства в их дела, но тут, услышав крики о помощи на родном языке, не выдержали и высыпали на возы с оружием в руках. Татары, преследовавшие беглецов, остановились и стали расстреливать их из луков. Только троим кыргызам удалось перелезть через возы, но один из них уже был смертельно ранен и, умирая, сказал мне: «Спасибо тебе за то, что избавил нас от страшной казни. Пусть Тангра помилует тебя в судный день!»

Я спешно велел одеть одежду остальных беглецов на двух умерших от ран каубуйцев...

Из Батавыла я отправил своих людей с письмами к артанскому беку Аскалу и сыновьям галиджийского бека, подчиненным мне и Кыпчаку. Один из них [последних] Алак-Джан отличился зверствами и разгромами церковей во время штурма Башту, а позднее – тем, что не помог нашим купцам на озере Нурма во время нападения альманского отряда и позорно бежал от него с 8 тысячами галиджийцев. Другой же помог мне вывести в Галидж баштуйских анчийцев, а потом с 300 своих джур и анчийцев и 200 артанцев Аскала разбил тот самый альманский отряд из семи беков и 600 кара-тунских людей... Аскал раньше служил в Булгаре и участвовал со мной в походе на Джукетун, а потом был моим проводником в Байлаке. Он неоднократно храбро защищал наших купцов и мстил галиджийцам и альманцам за разбои. Я отпустил его домой с одним из послов «Баба»...

Бату передал свой указ о даровании русской церкви больших прав через Алак-Джана, и тот выдал его за результат своих усилий, хотя за церковь хлопотал его брат. Еще раньше Алак-Джан приписал себе победу иске-галиджийцев и перешедших на их сторону садумских аров над садумцами, хотя прибыл на место битвы уже после нее и только лишь безжалостно изрубил всех пленных...

Сейчас находятся люди, которые упрекают меня в трусости, в нелюбви к отечеству, жестокости и утверждают, что все мои поступки совершены ради спасения собственной жизни или захвата власти. Но на эти обвинения я отвечу в ином, вечном мире, на суде Всевышнего; ведь из всех болгарских властителей только я выехал на Хон-юлы в ставки Бату и Угятая, чтобы прекратить губительную для мэнхолов и Державы нашей войну. Да, прекращение войны стоило жизни 400 тысяч невинных булярцев и 100 тысяч марданцев, но они погибли по вине людей, желавших полной гибели обеих держав в бессмысленной войне друг с другом. Да, я передал нашему

союзнику – Мэнхолу совершенно опустошенные войной Саксин и Тубджак или Сэбэр, но в ответ великий кан передал нашей

Державе Кортджак с Каном, Булымером, Джуннэ-Калой, Балыном и Джиром, а также Шуд с его озерами, Джукетуном и дорогами, благодаря чему мы стали хозяевами лучшей половины Балына и восточных областей Галиджа...

В Альманском походе с Байдаром и Урдой через Байлак (Польша), Альманию (Германия) и Марубу (Чехия и Словакия) в Моджар (Венгрия) я спас от гнева этих ханов – на свой страх и риск – нескольких кыргызов, переодев их в одежду своих умерших от ран воинов. В походе, будучи почти все время впереди, я в стычках с противником старался не допускать рубки и преследования, ограничивался лишь обстрелом идущего на меня неприятеля и прекращал его тут же в случае его отступления. Через одного пленного я предупредил жителей байлакской столицы Миша-Корык о завтрашнем приступе и позволил им ночью, до подхода мэнхолов Байдара и Урды выйти из города. Не моя вина, что ханы все же обнаружили и изрубили 35 тысяч неосторожно задержавшихся у Миша-Корыка беглецов, а город той же ночью сгорел от оставленного кем-то огня...

Жителей альманского города Бер-Аслап я также честно предупредил о нашем вынужденном приступе с целью добычи всего необходимого на дальнейший путь. Большинство жителей ушло в цитадель, и мои солдаты взяли все без большой крови, с потерей всего 11 человек, и лишь в двух или трех местах обстреляли сопротивлявшихся стражников 10 шереджирами и невольно зажгли рабат...

В битве с миша-корыкским маликом у городка Иглан я был во второй линии своего отряда, когда мэнхолы побежали и оставили моих 5 тысяч болгар и 6 тысяч кара-булгар один на один с 50 тысячами неверных франгов (франки), альманцев (германцы), байлакцев (поляки) и марубайцев (чехи и словаки). 1500 неверных – почти исключительно альманцев и франгов – имели вооружение восточных маликов, 5 тысяч – беков, 10 тысяч – уланов, и остальные – джур. Когда мои стрелки обнаружили, что на обычном для поражения расстоянии наши стрелы не наносят вреда неприятелю, я велел уланам отойти за наш лагерь, защищенный несколькими рядами возов, и после единственного успешного залпа стрелков в упор направил свою линию средневооруженных башкортов, байтюбинцев, кара-булгар в копейный удар. Этот удар приостановил неверных, но в начавшейся вслед за этим рубке наши стали шаг за шагом уступать. Я был в самой гуще боя, и Аблас-Хин с Нарыком едва выхватили меня, уже раненого, из под мечей семи байлакских рыцарей и отвели в лагерь. Видя, что удержать неверных средней линией не удастся, я отвел ее за лагерь и поставил по обеим сторонам его свежих уланов и подошедших нам на выручку мэнхолских тюркмен и кыргызов. Неуклюжие, в очень тяжелых доспехах, неверные споткнулись о возы, и наши стали легко расстреливать их со второй и третьей линий возов в упор из обычных луков, а «железные стрелки» предотвращали попытки врага обойти лагерь. Когда трупы врагов превзошли по высоте возы, я велел уланам ударить в копыта, и этот удар газиев, наконец, опрокинул неверных. Я с

восторгом наблюдал, как от удара тяжелых болгарских копий, привязанных к коням, неверные опрокидывались вместе с лошадьми. Слышал я и крики врагов, разрубаемых топорами бахадиров пополам... Мои взяли в этом бою, в котором не было пленных с обеих сторон, 820 – царских, 3 тысячи – бекских и 6 тысяч уланских доспехов, не считая джурских. Только когда неверные побежали, на поле боя вернулись Байдар с Урдой, чтобы пограбить и добить бегущих...

Когда нуждавшиеся в припасах мэнхолы остановились возле одного из марубайских городов, я, как всегда, стал отдельно от них на приличном расстоянии от города и спас всю свою армию от гибели. В ночной вылазке марубайцы и альманцы покончили с 10 тысячами мэнхолов и Байдаром, и трясущийся от страха за этот просчет Урда с 6 тысячами уцелевших мэнхолов был лишен мною доспехов и поставлен в центре моего войска для его же спасения. Тюркмен же и кыргызов я присоединил к своим бахадирам. Когда два марубайских сардара – убийцы Байдара – Юсуф и Якуб – вздумали преследовать нас, то попали в мою засаду возле взятого мною без боя города... и расстались с головами вместе с 12 тысячами своих воинов. После этого газиям достаточно было показать головы неверных сардаров жителям марубайских городов – и они без лишних слов вывозили нам все необходимое для продвижения. Только на правом берегу Сулы нас ждала засада 7 тысяч альманцев – но я, предчувствуя ее, направил Аблас-Хина для устройства ложной переправы и со всей армией переправился в ином месте. Аблас-Хин с 200 своих хинцев погиб, но он знал, что это, возможно, случится, и пошел на это сам. Я отомстил за его смерть, захватив врасплох и перебив всех тех альманцев. Все мои воины въехали в ставку Бату у озера Балатун с копьями, на каждом из которых было по голове неверного... Я вернулся в Булгар с половиной своих воинов, а Бату – с десятой частью своего воинства...

А разве стремлением к власти было то, что в 1242 году я добровольно уступил трон своему сыну и отправился строить Сарай для кыпчакского хана Бату? Я был назначен послом великого кана в Кыпчаке и делал все, чтобы эта область со временем стала частью Державы, как Хазария. Еще при возвращении из Альманского похода по моему предложению в Кыпчаке стали создаваться казацкие войска из анчийцев и кара-булгар, и это я дал им название, ибо они отказались брать угодное мэнхолам прозвище их наемников — «татары». В будущем это стало бы нашей опорой.

Сдавшихся мне под Башту и из бывавших со мной в Альманском походе тюркмен и кыргызов я переселил в Джалду и создал из них и оставивших румскую службу джалдайских булгар корымское войско, также верное мне.

Я переселял в саксинские города наших людей и всячески препятствовал переселению сюда хорезмийцев, чтобы и эта часть Кыпчака оставалась нашей. На все важные посты в Кыпчаке я старался ставить наших, в том числе саксинцев и тубджакцев... В 1240 году я спас от разрушения мэнхолами, пришедшими мне на помощь, Болгар и помиловал мятежников. Почему же обо всем этом умалчивают мои обвинители? А все это может не видеть только тот, кто намеренно не хочет видеть...

(Западный поход описан Бараджем достаточно поверхностно и сумбурно. Заслуживает внимание единственный эпизод с гибелью Байдара. Видно, что чувство вины не покидало Бараджа до конца жизни. Себе оправдание он нашел. Но именно благодаря ему Булгара не стало, а болгары с тех пор стали называть себя татарами. Это что касается роли личности в истории.)

Барадж весьма скупо описывает своих предков. Кое какую информацию можно получить от одного из его потомков.

1. О своих предках Туг(Тук)-Мохаммед пишет...

Сыном Адам-Амина был Шамгун Ширдаг, его сыном - Арбат Габдэрразак, его сыном - Азан по прозвищу Байда-Багыл, его сыном - Барадж, женатый на дочери Шамбата (Субэдэ) Амине, их сыном - Ямаш, его сыном - Сбэр-Худжа, бывший наместником Сэбэра, его сыном - Туг-Мохаммед...

(Адам – Амин – Юсуф (Иосиф)- Саин, его отец Ашраф Балук взял себе в жены Туракин – ханум, дочь вождя караханидов, т.е. саманидов - караимов – сарагуров.

Его сын Шамгун Ширдаг (Донской) Шам саин – взял в жены дочь Дугара, в русских летописях Тугорхана, который управлял провинцией Хин – Азак (Азов).

Его сын Арбат Габдерразак поэтому имел добавку к имени, родившийся в Азаке или его мать из Хина - Азова. Женился на дочери Аюбая, или Аепы по русским летописям.

Его сын Азан Байда-Багыл(Байгуль) был женат на байгульской сибирячке.

Барадж – был женат трижды, на дочери бека Чалмати, на русской княжне Ульяне – Ульджан, дочке Всеволода Большое Гнездо, и в конце жизни взял дочь Субедея. Саин саину не саин.)

В 1246 году, когда в Сарае умер Гази-Барадж, его конюший Ялдау поднял Бояна (сын Алтынбека) и Тухчи-Исмаила (сын Ильяса) на новое восстание против Кисама (сын Бараджа) и татар. Мятежники захватили Болгар и Нур-Сувар и схватили Хисама. Эмиром стал Ялдау. Но на этот раз озлобленные прошлой изменой уланов субаши и казаки Бурата не поддержали беков. Великий кан прислал на помощь Хисаму Уран-Кытая (сын Субедея), и тот совместно с Буратом и Калмаком (сын Чаготая) осадил Нур-Сувар... После того, как Ялдау был убит на стене стрелой, нурсуварцы открыли ворота Бурату. Бурат вывел все население вон, после чего татары сровняли город с землей. Когда брат Калмака Бурилдай (сыновья Чагодая) топтал копытами своего коня могилу Гали возле эмирского дворца, к нему подошел старик из числа братьев «Эль-Хум»а и сказал: «Что ты делаешь? Ведь это могила святого! Ты сам кличешь на свою голову смерть!»

Но Бурилдай разрубил голову брата мечом и продолжал святотатство...

А Калмак взял себе прозвище Бурундай, так как спас вместе с Буратом население Нур-Сувара от гибели и хотел помнить об этом...

Боян и Тухчи, бежавшие из Нур-Сувара, заперлись в Болгаре, но и им под давлением оробевших суварчиев пришлось освободить Хисама и бежать под покровом ночи. Говорят, что Бурат тайком пропустил их через свои порядки ради спасения города. Освобожденный Хисам (сын Бараджа) упросил Уран-Кытая (сын Субедея) в память о дружбе их отцов, даже умерших в один год, пощадить Болгар для своего местопребывания, и сын Субята отвел татар прочь. Так Болгар вновь стал столицей Булгарской Державы...